

РОВАН ВЭНС

ДВЕРЬ
ИЗНАНКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рован Вэнс

Дверь Изнанки

«Автор»

2026

Вэнс Р.

Дверь Изнанки / Р. Вэнс — «Автор», 2026

Чикаго, 1923. Джаз гремит, контрабандный виски льется рекой, а озеро Мичиган выносит слабаков к пирсам по вторникам. Тесс по прозвищу Снежинка не боялась быть среди них — лучшая взломщица синдиката Моретти вскрывает любые сейфы и не задаёт вопросов. За это ей платят и прощают норвежский акцент со скверным характером. Но один заказ меняет всё. Вскрыть сейф. Забрать платок. Выйти. Она не знает, что кусок старого шёлка нужен не только её боссу. Что человек в сером пальто уже вписал её имя в отчёт с грифом. И что вещи такого рода выбирают хозяйку сами — а выбрав, не отпускают. К рассвету за ней будет идти весь город. Полиция окажется самой безобидной из погонь. А тот, ради чьей улыбки она согласилась, будет ждать возвращения. С платком. Живой или мертвой — ему без разницы. Одно Тесс усвоила точно: стать монстром — единственный способ не стать добычей. Первая книга серии «Изнанка». 18+

© Вэнс Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Дым над Джефферсон-стрит	8
Глава 2. Тень на пороге	13
Глава 3. Три фута от смерти	17
Глава 4. Кровь на черном шелке	21
Глава 5. Шепот гнилой воды	25
Глава 6. Золото в сточной канаве	29
Глава 7. Приют для поломанных кукол	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рован Вэнс

Дверь Изнанки

От автора

Эта книга — художественное произведение в жанре тёмного городского фэнтези и нуара. Главные герои и всё, что с ними происходит, вымышлены. Отдельные исторические лица, места, события и предметы эпохи упомянуты для достоверности, но их поступки, слова и мотивы в этой книге придуманы автором и не претендуют на документальность. Чикаго 1923 года здесь живой, но не музейный.

Действие разворачивается в криминальной среде эпохи сухого закона. Герои нарушают закон, курят, употребляют алкоголь и опиаты, применяют насилие и говорят на языке своего времени и своего круга, включая грубую брань и предрассудки, неприемлемые сегодня. Всё это показано как часть их мира и как то, что этих людей разрушает. Ни автор, ни книга не оправдывают и не пропагандируют ничего из перечисленного.

Возрастное ограничение 18+. Книга содержит нецензурную лексику, сцены насилия, изображение зависимости, а также сцены курения и употребления алкоголя. Если эти темы для вас тяжелы, пожалуйста, выберите другую историю. Я не обижусь.

Пролог

Чикаго, 1923. Ночь. Район Нижнего Вест-Сайда.

Я бежала.

Каблуки стучали по мостовой Морган-стрит, мешая нормально разогнаться, но сбрасывать туфли было нельзя. Не хватало напориться на битое стекло или поскользнуться на вонючей луже. Мимо в сточную канаву прошмыгнула крыса, из разбитой бутылки у входа в подпольный бар несло паленым джином. Легкие горели, в боку кололо, сердце билось в горле. Казалось, еще сто ярдов такого забега, и я выплуну его в очередную лужу. Я летела вперед, прижимая к груди сверток, и молилась всем богам, чтобы ноги не подвели.

Сзади — топот. Много. Трое, может, четверо. Свистки, мат на итальянском, выстрел в воздух. Пуля чиркнула о кирпич где-то над головой, осыпав пылью плечи. Едкий пот заливает глаза, смешивается с кровью из разбитой губы. Когда успела приложиться?

Я свернула в узкий проезд между Форкер-стрит и Тейлор, едва не вписавшись в стену. В лицо ударил запах гнили и мочи, смешанный с серной гарью из подвала. Из темноты донеслось пьяное бормотание — кто-то спал в подворотне, укрывшись вчерашней Chicago Tribune.

Дальше. Только дальше.

Вылетела на Халстед-стрит. Справа — ресторан «Золотой наперсток», из открытых дверей хлещет фокстрот, смех, звон посуды. У входа женщина в боа и мужчина в котелке о чем-то спорят.

— ...говоря тебе, этот саксофонист вчера...

— ...чтоб я еще раз пошла в этот...

Их голоса оборвались, когда я пронеслась мимо, вдохнув запах сигарет и жженого сахара. Мужчина что-то крикнул вслед, но прохладный ветер с озера Мичиган унес слова.

Снова поворот. В темную щель Десплейнс-стрит.

Тупик.

Твою мать.

Глухая кирпичная стена в десяти футах. Ни дверей, ни проходов. Ржавая пожарная лестница, но слишком высоко, не допрыгнуть. От мусорных баков несет так, что желудок подпрыгнул к горлу.

Я развернулась, но из переулка уже вылетели двое. Третьего не было видно, но свистки все ближе. Полицейские? Или его люди? Или те и другие?

— Стоять! — заорали по-английски. Полиция.

Где они были пять минут назад?

Пьяница, отливающий у стены, обернулся, икнул и попытался что-то сказать, но я уже не слушала. Рванула обратно, и тут грохнул второй выстрел. Пуля выбила искру из гранитной брусчатки в трех футах, обдав каменной крошкой лодыжки.

Назад.

Обратно мимо «Золотого наперстка», теперь в другую сторону. Фокстрот сменился чем-то джазовым. Кинг Оливер? Из дверей вывалились трое в смокингах, девушка в блестящем платье громко хохотала. Я врезалась в них плечом, кого-то толкнула, услышала мат, извинения.

— Кумари, ахтунг! — крикнул кто-то с акцентом.

Влетела в следующий пролет, перепрыгнула через мусорный бак, чуть не упала, удержалась, вцепившись в стену. Ладони заскользили по потекам на кирпиче. Чуть не вписалась лицом. Ноготь на указательном сломался под корень. Зараза, больно!

Сзади — топот тяжелых сапог. Полицейские свистки теперь выли со всех сторон, будто весь город поднялся на уши.

— Дернешься, и я стреляю!

Глава 1. Дым над Джефферсон-стрит

Чикаго, 1923. Спикизи «Белые ручки». За прачечной на Джефферсон. Два дня ранее.

В «Белых ручках» было накурено так, что посетители за дальними столиками превращались в расплывчатые силуэты. Дым висел слоями: под потолком стелился сизый сигарный фронт, пониже — желтоватая взвесь дешевых папирос, а между столиками все это смешивалось с потом, тяжелыми духами и пролитым джином. За стеной, в прачечной, натужно бухали паровые катки, и эта вибрация отдавалась в подошвах, сливаясь с джазом.

Оркестр негров на маленькой эстраде наяривал что-то быстрое. Пианино заливалось так, что казалось, клавиши вот-вот вылетят в зал. Трубоч терзал сурдину, и звук выходил то хриплый, как лай старого пса, то тонкий, доходящий до бабьей истерики. Барабанщик шуршал щетками по малому — чш-чш-чш, чш-чш-чш — и под этот ритм дюжина флэпперш на танцполе трясла перьями и ногами. Бисер на их платьях мерцал в полумраке, как чешуя дохлой рыбы. Чарльстон. Что же еще.

Я сидела у стены, прижавшись спиной к дубовым панелям. Отсюда было видно и парадный вход, и черную лестницу к люкам. Привычка. Янина напротив перебирала какие-то бумаги, хотя какой там, при свете единственной лампочки под красным абажуром цифр все равно не разобрать. Она просто делала вид, что занята делом, чтобы к ней не приставали.

Настоящая милашка. Пшеничные локоны, детские щечки и теплые карие глаза — такими только на рождественских открытках торговать. Ей было двадцать два, а выглядела на семнадцать, пока не начинала считать. А считала Янина так, что мать родную бы продала и сдачу посчитала. Не повезло ей родиться полькой в этом городе. В Чикаго такие мозги либо возносят тебя к боссам в Лупе, либо заставляют бежать по переулкам от пули в затылок.

Поляков в Чикаго не любят. Слишком много их понаехало, слишком громко лают на своем наречии, слишком дешево продают свои спины на бойнях Юнион Сток-Ярдс. Чикаго — город великих возможностей, если в твоём имени нет лишних согласных.

Но Янину взяли. Три года назад Чезаре притащил ее в контору, ткнул пальцем в сторону старого счетовода и бросил короткое: «Проверь». Старик мурыжил ее неделю. А потом выдал: «Она гений». С тех пор она сидела в своем углу, обложившись гроссбухами, и ее не трогали. Даже итальянцы, эти цепные псы с Тейлор-стрит, уважали то, что приносит чистую прибыль.

— ...и вот этот индюк мне выдает: «Я-то думал, ты умеешь танцевать», — тянула Янина, помешивая соломинкой лед в стакане. — А я ему: «Я-то думала ты умеешь помалкивать. И покупать выпивку».

Я хмыкнула, прихлебывая джин. Роберто, наш бармен, гнал его из какого-то адского варева, но на вкус оно шло мягко, как воскресный лимонад. А потом — бац! — и ты уже всерьез доказываешь стене, что она неровно положена. Лучший «ванный джин» в западной части города, клянусь. И плевать, что у Роберто руки забиты синими наколками по самые локти, а сам он должен был гнить за решеткой еще пять лет. В этом подвале он был богом и алхимиком.

— И что он? — спросила я, наблюдая за игрой света на ее волосах.

— А ничего. Скис. Ушел к той рыжей курве из «Голубой устрицы».

— Мудак.

— Мудак, — легко согласилась Янина. — Но у него были чертовски симпатичные усики.

Тут к нашему столику подплыл Марко. Щуплый, вертлявый, с вечно бегающими глазами и улыбкой, от которой зудели кулаки, но до дела почему-то не доходило. Семнадцать лет, а гонору, будто он правая рука самого Торрио. Пару дней назад Чезаре доверил ему перегнать грузовик с джином на юг, к тем грекам, что держат казино на Двадцать второй. Теперь Марко ходил гоголем, словно лично затыкал дыры в бюджете Иллинойса.

— Привет, Снежинка, — выдал он, бесцеремонно падая на свободный стул.

Он вытянул мою недокуренную папиросу из пепельницы, глубоко затянулся и выпустил дым в потолок с видом пресыщенного жизнью лорда.

— Как жизнь за полярным кругом? — нагло подмигнул малец.

— Не зови меня так, Марко, — я приложила к стакану, гася желание съездить ему по морде. — В глаз дам.

Марко обиженно засопел. У него даже сопеть получалось нахально.

— Да ладно, мистер Моретти же зовет.

— Мистер Моретти меня так зовет исключительно потому, что он мистер Моретти. Попытка дать ему в глаз станет последним, что я сделаю в этой жизни. А ты — просто мелкий клоп.

— Тесс, ты такая грубиянка, — Марко приложил руку к сердцу, изображая умирающего от любви. — А все равно украла мое сердце. Профессионал!

Янина прыснула в бокал. Содовая полезла носом, она закашлялась, замахала руками, и это выглядело так по-детски нелепо, что я не выдержала. Уголки губ сами поползли вверх. Черт с ним, с этим мелким выскочкой.

— Сгинь уже, Казанова, — выдохнула я. — Скажи Роберто, пусть повторит. И плесни себе лимонада, раз уж приземлился за наш стол.

Марко вскочил, отдал честь двумя пальцами — жест, подсмотренный в дешевых киношках, — и исчез в табачном мареве, лавируя между столиками с грацией уличного карманника.

Янина вытерла выступившие слезы.

— Господи, Тесс... С ним как в цирке.

Я почувствовала легкое касание по плечу. Даже не оборачиваясь, знала: это Родриго.

Младший брат Чезаре, его правая рука. Многие называли его тенью, «чистильщиком» или просто человеком, который заставляет проблемы испаряться вместе с людьми. Но я знала другое. Родриго был славным малым...насколько это вообще возможно для того, кто носит под левой подмышкой заряженный «Кольт». Немногословный (редкая аномалия для макаронника), исполнительный. Спокойный, как удав. С такими либо в разведку, либо в гроб, и он явно выбирал первое. Этого высокого, ладно скроенного типа было за что уважать: он никогда не обнажал зубов без команды.

— Он хочет тебя видеть, — негромко сказал мне на ухо мягкий баритон.

Голос у него был чертовски приятный, обволакивающий, как старый бурбон. С Чезаре они звучали почти одинаково, фамильная порода, но если у старшего в голосе порой проскальзывало брезгливое превосходство, то Родриго умел шептать так, что по коже бежали мурашки. И вечная эта его полуулыбочка, за которой никогда не угадаешь: то ли он тебя любит, то ли прикидывает, куда закопает.

Я кивнула Янине, давая понять, что посиделки окончены. На Марко бросила короткий предупреждающий взгляд. Тот как раз возвращался к нашему столику с двумя стаканами. Увидел Родриго, и его ухмылка сползла с лица. Даже этот наглый щенок знал, когда стоит прикусить язык.

— Не будем заставлять ждать старшего Моретти, — сказала я, оправляя платье. — Красавчик этого не любит.

Мы прошли мимо барной стойки. Роберто поднял глаза от стакана, который протирал, коротко кивнул. Я кивнула в ответ. Крест на его ладони подпрыгивал в такт движениям, словно благословляя каждый глоток паленого виски, который он разливал в этой дыре.

Я вошла в святую святых, и тяжелая дубовая дверь отсекала визг джаза, оставив его где-то в другом измерении.

Кабинет встретил коктейлем из запахов: старая бумага, горьковатый дровяной дым и тонкий шлейф крепкого алкоголя. В камине потрескивали поленья, выплевывая искры и бросая на стены длинные, ломаные тени.

Здесь ничего не менялось добрых двадцать лет, еще с тех пор, как за монументальным столом восседал старик Моретти. Темное дерево, тяжелые пыльные портьеры и ровные ряды книжных шкафов. Кожаные корешки фолиантов поблескивали золотом, но я знала: их никто никогда не открывал, они служили лишь декорацией для сделок, которые не любят свидетелей. С портрета над камином суровый старик буравил меня взглядом, полным презрения. Я платила ему той же монетой. Не знаю, была ли обстановка по вкусу Чезаре, но после похорон отца он ничего не менял.

Сам Чезаре вальяжно растекся в кожаном кресле у камина. Огонь высвечивал его точеный профиль, играл на перстне с печаткой, делал глубже тени под скулами. Красивый сукин сын. И знал это.

— Мистер Моретти, — коротко бросила я, застыв у порога.

Чезаре усмехнулся. Он перевел на меня взгляд с ленивой грацией сытого хищника, что смотрит на зашедшую в клетку кошку. Темные глаза блеснули в отсветах пламени.

— К чему официоз, Снежинка? Мы здесь одни.

Я покосилась на Родриго. Тот замер у двери, сложив руки на груди, и даже бровью не повел.

— Не притворяйся, — фыркнула я и без приглашения плюхнулась в соседнее кресло. — Ты бываешь милым только после третьей порции бурбона. И если я не накосячу.

Чезаре едва заметно хмыкнул, но за наглость не осадил. Родриго, возникнув из тени, протянул и мне стакан. Я отказываться не стала. Не каждый день Моретти угощают пойлом такого качества, которое не выдает слизистую вместе с грехами. Кожа кресла глухо скрипнула под моим весом, я откинулась на спинку, вдыхая аромат выдержанного дуба и ванили. Видать, работенка предстояла такая, что без анестезии не обойтись.

— Верно, — наконец отозвался Чезаре, салютуя мне стаканом. — Но ты не косячишь.

Граненый хрусталь поймал всполох огня, и светлый блик скользнул по его лицу, высветив тонкий, белесый шрам над левой бровью. В «Белых ручках» шептались, что это последний подарок отца. Прощальный урок перед тем, как старик отправился кормить червей на кладбище Маунт-Кармел. Упокой Господь его душу, если, конечно, у Моретти-старшего она вообще имелась в наличии.

— Сомневаюсь, что ты выдернул меня из зала, чтобы разделить бокальчик перед сном, — отрезала я, возвращая его с небес на землю.

Чезаре отставил стакан и подался вперед, сокращая дистанцию. Прищурился, вглядываясь мне в лицо, и его глаза заблестели **темным золотом**.

— Знаешь, Тесс, ты мне нравишься. Голова работает. И плотка бульдожья, — он повел рукой, очерчивая мой силуэт словно скульптор. — Но изящества... никакого. Чуть мягкости, и мы бы с тобой этот город вдвоем держали.

Я промолчала, лишь крепче сжала стакан. Этот Моретти был тем еще самовлюбленным типом: если не мог повесить лицо прекрасного себя на каждой стене, то пытался переделать под свой вкус окружающих. Я делала свою работу, и его эстетические страдания по поводу моего «изящества» волновали меня меньше, чем цена на уголь в порту.

— Ближе к делу, Чезаре, — холодно поторопила я.

— Нужно кое-что достать, — резко сбросил он маску обольстителя.

Я вопросительно выгнула бровь, не спеша задавать вопросы. Пусть сам выкладывает карты.

— Платок. Черный шелковый платок с вышивкой.

— Ты это серьезно? Ради тряпки ты устроил этот спектакль? У тебя под боком Сара, пошли ее в «Маршалл Филдс» в центре, там этого добра навалом. Я-то тебе зачем?

Чезаре громко расхохотался. Родриго за моей спиной не шелохнулся, но я готова была поклясться, что он тоже улыбнулся краешком губ.

— За кого ты меня принимаешь, Снежинка? Это тебе не тряпка из корзины с уценкой. Коллекционный раритет. Вещь с историей. Принадлежала одной... большой знаменитости. Знающие люди отвалят за это кучу зеленых.

— Бред, — отрезала я, не поддаваясь на его театральный тон. — Кто в здравом уме выложит целое состояние за кусок шелка?

— О, ты даже не представляешь, на что готовы пойти люди, одержимые прошлым.

— И что за знаменитость?

Чезаре небрежно махнул рукой. Золотой перстень на мизинце поймал отблеск огня, вызывающе ярко сверкнув на фоне безупречного синего сукна его костюма в тонкую меловую полосу.

— Какая-то старая французская фамилия. Де Ланкрэ? ДАнкрэ? — он поморщился. — Черт, не помню. Да и какая разница? Главное не имя на ярлыке, а то, сколько нулей готов вписать в чек заказчик.

Я помолчала, переваривая. Потом спросила то, что волновало меня больше всего:

— Моя доля?

— Пятьсот. Чистыми. Твои.

Я не удержалась и коротко присвистнула. Пятьсот баксов. За такую сумму в Чикаго можно было купить новенький «Форд», обставить квартиру и еще полгода не вспоминать о работе. За пятьсот баксов можно было закрыть глаза и на сомнительных коллекционеров, и на странные приказы, и на проклятый шелк, которым какой-то французский щеголь вытирал пот со лба перед тем, как отправиться на гильотину.

— В чем подвох? — спросила я в лоб.

Чезаре картинно прижал ладонь к груди, изображая оскорбленную невинность.

— Почему сразу «подвох»? За кого ты меня принимаешь, Снежинка? Неужели Моретти не может позволить себе минутную щедрость по отношению к своей ледяной королеве?

Я позволила себе дерзость — звонко поставила стакан на инкрустированный столик и пристально посмотрела ему в глаза.

Чезаре выдержал мой взгляд секунд пять. Потом усмехнулся и развел руками.

— Ладно, ладно. Попасть в дом проще на званом вечере. Лишние переменные, все такое. Искомое в сейфе. В спальне хозяина.

— Платок? — я даже не пыталась скрыть скепсис. — В стальном сейфе? В спальне?

— Коллекционеры, — Чезаре пожал плечами с таким видом, будто это слово объясняло любую девиацию человеческой психики.

И, черт возьми, это действительно объясняло. Я встречала таких. Люди, готовые запереть под замок что угодно — от бриллиантов до гнилых зубов какой-нибудь святой, лишь бы это было «уникально».

— Мне нужно приглашение на вечер, — сказала я, уже прикидывая план. — Когда начнется этот балаган?

Чезаре довольно улыбнулся. Нравилось ему, как быстро я схватываю.

— Родриго, передай нашей несравненной мисс вот тот конверт у меня на столе.

Тень за моей спиной пришла в движение. Родриго протянул мне плотный прямоугольник из дорогой бумаги, пахнувший типографской краской. Я сунула его в сумочку, даже не взглянув на адрес. Разберусь позже, в тишине.

— Поняла, — коротко кивнула я и направилась к выходу, чувствуя на спине взгляды обоих братьев.

У самой двери голос Чезаре настиг меня, заставив на секунду замереть:

— Тебя ждет подарок, Снежинка. В твоей комнате. Настоятельно советую им воспользоваться. И...тебе ведь не нужно напоминать о правилах?

— Разумеется, — буркнула я, не оборачиваясь, и вышла вон, в спасительный шум и чад «Белых ручек».

Глава 2. Тень на пороге

Утро наступило раньше, чем я была готова его встретить.

Голова гудела так, словно внутри поселился отбойный молоток. Я лежала на кровати, уставившись в серую трещину на потолке, и пыталась вспомнить, сколько все-таки стаканов «лимонада» Роберто я выпила вчера. Сначала было два. Потом Марко притащил еще. Потом Янина предложила отметить ее удачную сделку, и тут я уже сбилась со счета.

Оркестр вчера выдавал такой хот-джаз, что подвал превратился в потную утробу, бьющуюся в конвульсиях синкоп. Пианист вколачивал пальцы в слоновую кость клавиш, словно выбивал долги из последнего бродяги в переулке. Даже для «Белых ручек» это было чересчур.

Я перевернулась на бок и ногой отпихнула коробку, стоявшую на полу у кровати. Крышка отлетела, зашуршав огромным красным бантом. Чезаре.

Показушник.

Я с кряхтением поднялась, прошлепала босыми ногами к рукомойнику и плеснула в лицо ледяной водой. Сон улетел, зато голова еще сильнее разболелась. Зараза, опять бойлер барахлит, а кочегар соизволит протрезветь и подбросить угля только к вечеру.

Поставила перколятор на плиту. Внутри, в ситечке, подпрыгивали крупинки дешевого «Максвелл Хаус». В Чикаго без кофе ты не жилец. Либо ты пьешь этот деготь литрами, чтобы соображать быстрее, чем летит пуля, либо город пережует тебя и выплюнет на бойни вместе с остальными неудачниками.

Я как раз достала кружку, когда в дверь постучали.

Два быстрых удара, пауза, еще один. Родриго.

— Кофе сварила?

— Только что.

Я посторонилась, пропуская его внутрь. Родриго замер на пороге, оглядывая мою каморку в поисках клочка свободного места. Картина была маслом: вчерашнее платье уныло свисало со спинки единственного стула, на постели валялись скомканные простыни, а картонная коробка Чезаре сиротливо валялась в углу. Я незаметно затолкнула ногой кружевные чулки глубже под кровать.

Бардак у меня был знатный, и гостей я не ждала. Впрочем, даже знай я о визите Родриго заранее, палец об палец бы не ударила. Кореш он мне или кто?

Иногда в его взгляде мелькало нечто такое... сентиментальное. Я видела, что он был не против большего, но я не любила сложности, а младший брат Чезаре Моретти — это не просто сложность, это ходячий ребус с летальным исходом. В итоге такой расклад устраивал обоих: мы могли часами протирать штаны в кабаках, обсуждая только калибр оружия или новые налоги, или вместе сбегать на побережье Мичигана, чтобы просто смотреть на серую воду, не притворяясь теми, кем нас заставлял быть город. Главное — я знала, что ему можно доверять. В Чикаго это валюта подороже золотых слитков.

Я усмехнулась его метаниям и скинула платье со стула. Налила нам по кружке черного варева. Горькая горячая жидкость медленно разгоняла кровь, отвоевывая мой бедный мозг у похмелья. Родриго пил не спеша, грея огромные ладони о шербатую керамику.

— Ты как? — спросил он через пару минут.

— Голова раскалывается, — честно призналась я. — Роберто вчера явно перестарался с рецептурой.

— Я видел, — Родриго улыбнулся одним уголком рта. — Ты еще и с Марко плясала. Выдавала такие крендели, что даже оркестранты сбились с ритма.

— Не, они весь вечер так играли, — я прикрыла глаза ладонью. — Но пляски с Марко я уже не помню. Рано или поздно и этому любителю постарше должно было перепасть. Считаю, совершила акт милосердия.

Мы помолчали. Я закурила. Чашка приятно жгла руки, а за окном, на Джефферсон-стрит, город уже вовсю перемалывал новый день. Снизу доносилась сочная ругань лоточников, нутужно кашляли моторы, где-то в паре кварталов тоскливо завывала полицейская сирена. Обычное утро в Чикаго.

— Зачем пришел? — я выпустила струю дыма в окно. — Неужели за ночь соскучился, Родриго?

— Спал плохо, — глухо отозвался он. — Не нравится мне это дело с платком, Тесс.

— Твоя чуйка сработала? — спросила я уже без всякой насмешки, туша бычок о край блюда.

Родриго молча кивнул.

Его «чуйка» была нашей семейной легендой, если можно так сказать о банде Моретти. Это звериное предчувствие беды не раз вытаскивало наши задницы из передраги. Я до сих пор помню ту заварушку в порту, когда Родриго, не раздумывая, всадил три пули в закрытую дверь. Мы тогда решили, что он спятил от жары, пока не вышибли замок и не нашли за дверью ирландскую крысу с взведенным «Кольтом» в руках. Ему, видите ли, «подумалось», что за деревом стоит смерть.

Если Родриго плохо спал, значит, в особняке Уинтропа меня ждали не только черная икра и веселящая водичка.

— Что именно тебе не нравится? — я подалась вперед, чувствуя, как похмелье окончательно уступает место собранности. — Сейф? Сам Уинтроп? Или то, что Чезаре отправил меня одну?

— Все сразу, — Родриго помрачнел, отодвигая чашку. — И этот банкет... И то, как плавают твои мозги от джина. — Он легонько ткнул меня указательным пальцем в лоб, я с улыбкой отмахнулась. — Слишком на многом нужно удерживать внимание. Давай прогоним детали.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и развернул на столе.

— Особняк Реджинальда Уинтропа находится в Норт-Сайде. Завтра вечером прием в честь открытия новой железнодорожной ветки до Огайо. Соберется вся городская шваль в чистых сорочках.

Я смотрела на схему, водила пальцем по линиям. Парадный вход, вестибюль, бальный зал, лестница на второй этаж.

— Уинтроп, — продолжал Родриго, — старый баран. Обожает трепаться о своих миллионах и терпеть не может, когда его перебивают. Если хочешь остаться невидимой, води себя как дорогая антикварная вещь. На таких женщин в этом доме смотрят, но их не замечают.

— Справляюсь. Не впервой.

— Знаю, — он улыбнулся. — Еще момент. У старика пунктик. Каждый вечер, ровно в одиннадцать, он поднимается в свой кабинет, чтобы проверить, все ли на месте. Охрана останется на лестнице. Если проскочишь туда до одиннадцати — платок твой. В общем, я вижу основную сложность в том, чтобы не отвечивать и обойти охрану.

Я посмотрела в приглашение. Прием начинался в восемь. В распоряжении у меня было целых три часа. Но если что-то пойдет не так...

— Родриго, а если он придет в десять сорок пять?

— Если он поднимется раньше, — Родриго поднял на меня хмурый взгляд, — значит, удача в этот вечер взяла выходной. Но Уинтроп — раб своих привычек. Такие люди строят империи на распорядке дня, Тесс. Для него изменить расписание, все равно что позволить поезду сойти с рельсов.

Он задумчиво постукивал пальцем по листу.

— И все же, если дверь откроется до того, как ты выйдешь... Не пытайся оправдываться. В этом доме не верят в заблудившихся гостей. Просто уходи через окно. Там под карнизом старый плющ и кованая решетка террасы. Уинтроп ценит эстетику выше безопасности, и это его вторая ошибка.

— А первая? — не поняла я.

— Плохой вкус, — усмехнулся Родриго.

Он поднялся со стула, разом заполнив собой все пространство моей тесной кухни. Заглянул в ледяной шкаф в поисках чем поживиться и, обнаружив лишь недогрызенное яблоко, с кислой миной вернулся к столу. Поддон под шкафом привычно подтекал, и капли — *кап-кап-кап* — отбивали ритм, похожий на тиканье часовой бомбы.

— Звучит кисло, — я покачала головой, глядя в кружку. — Я не могу вернуться без платка.

— Можешь. Деньги не стоят твоей жизни.

— Чезаре так не считает.

— Ты его недооцениваешь, — Родриго пристально посмотрел на меня. — Чезаре чтит семью превыше всего. А ты для нас — семья, Тесс. Хотя в твоих жилах и течет холодная норвежская кровь.

Я усмехнулась, но внутри кольнуло. Семья. Три года назад, когда старик Моретти отправился кормить червей на кладбище Маунт-Кармел, Чезаре начал собирать вокруг себя новых людей. И каким-то чертом ему понадобилась я, хотя, что скромничать, работала я неплохо. Он переманил меня из конкурирующей банды ирландцев. Не то чтобы, ему пришлось долго меня уговаривать, я поломалась для виду, но на самом деле была только рада избавиться от этой компашки. Работать на Миков — сомнительное удовольствие: они платили гроши, зато лапали при каждом удобном случае, считая, что раз я норвежка, то должна терпеть их пьяные нежности. Так что вроде как теперь он за меня в ответе.

Повисла тишина, прерываемая лишь предательским урчанием в моем пустом животе. Я смущенно кашлянула.

— Элизабет Хоуп, — махнула я приглашением. — Что за дамочка?

— Единственная наследница «Хоуп Текстайл» из Род-Айленда. Старые деньги, Тесс. Девчонка — затворница, сидит в родовом поместье под присмотром целой армии сиделок и носа на улицу не кажет. Чезаре узнал, что Уинтроп послал ей приглашение из вежливости, чтобы напомнить о себе их юристам. Письмо «потерялось» по дороге, так что теперь ты почетная гостья с Восточного побережья, — отсалютовал мне кружкой Родриго.

— А если эта «текстильная принцесса» вдруг решит выгулять свои миллионы в Чикаго именно завтра? — я прищурилась, проверяя легенду на излом.

— Не решит. Она не встает с кресла-каталки и общается только с призраками предков. Даже если Уинтроп что-то заподозрит, он не станет звонить в Ньюпорт, чтобы уточнить, не случилось ли там чудесного исцеления. Для него ты очередная капризная богачка, которой смертельно скучно в провинции. Просто держи спину прямо и смотри на всех так, будто они задолжали тебе по пятьдесят долларов.

— Ты знаешь что-нибудь еще об Уинтропе? — спросила я после небольшой паузы. — На кой черт ему сдались старые тряпки?

— Не знаю, — Родриго пожал плечами. — Может, потому что деньги сами себя не тратят. А может, потому что ему нравится владеть тем, что другие потеряли.

— Потеряли? — я нахмурилась. — Что ты имеешь в виду?

Родриго помедлил, глядя в окно на серую мглу Джефферсон-стрит.

— Владельцы вещей, которые ты достаешь, обычно исчезают, Тесс. Чезаре тебе не говорил?

Я почувствовала, как по заливку пробежал настоящий мороз, не имеющий отношения к похмелью или ледяному шкафу.

— Не пугай меня, Родриго.

— Я не пугаю. Я хочу, чтобы ты была настороже, — он поднялся и одернул лацканы пиджака. Кофе в кружках так и остался недопитым, подернувшись серой пленкой. — Я подстрахую тебя завтра. Буду ждать у служебного входа в костюме официанта. Если к двенадцати не выйдешь, я зайду сам, и тогда в этом доме станет очень шумно.

Он направился к двери, но у порога задержался.

— Тесс, это не просто бизнес. Чезаре что-то недоговаривает про этот заказ. Я не знаю что, но... будь осторожна с этим платком.

Я недоуменно нахмурилась. Обычно Чезаре работал по одной и той же схеме: либо я выносила активы, которые он потом сбывал перекупщикам на черном рынке, либо к нему заявлялся «заказчик» с толстым кошельком и просьбой раздобыть вещь, которая слишком хорошо лежит. Понятный круговорот краденного в Чикаго.

За те три года, что я работала на Моретти, через мои руки прошло немало чужого добра. Я выуживала из сейфов увесистые фамильные диадемы, карманные часы с монограммами, россыпи безвкусных бирюлек с камнями и без. Однажды по заказу какого-то безумного эстета мне пришлось стащить подлинник голландского натюрморта. Проклятая рама весила добрых сорок пять фунтов. Я чуть ноги не лишилась, когда эта машина выскользнула из затекших рук. Сорок пять фунтов позолоченного дерева, лепнины и пыли, которые нужно было вынести по пожарной лестнице, не издав ни звука. Все это имело свою цену, понятную и осязаемую.

Но этот платок... пять сотен за кусок шелка?

— Тебе не кажется, что пять сотен — это многовато за одну открытую дверцу? — повторил Родриго мои мысли. Его глаза превратились в узкие щели. — Мне это не нравится. Не бойся расстаться с товаром, если припрет.

— Хорошо, — выдохнула я.

Дверь закрылась бесшумно, как и всегда. Родриго ушел, но в комнате все еще висел едва уловимый запах оружейного масла. На столе белела схема особняка, испещренная его пометками. Я залпом допила остывшую жижу, грохнула кружку в раковину и склонилась над картой.

Парадный вход, вестибюль, бальный зал, лестница. Кабинет — на втором этаже, первая дверь направо. Уинтроп поднимается ровно в одиннадцать, как заведенный механизм.

Я свернула лист, спрятала его в ящик стола и начала перебирать инструменты. Три отмычки, чехол, тонкие перчатки из лайковой кожи. Все, как всегда. Ритуал, отточенный до автоматизма.

Но внутри, где-то под ребрами, ворочалась скользкая тревога. Родриго не из тех, кто разбрасывается предупреждениями ради красного словца. И если он просил меня быть осторожной, значит, была причина.

Я посмотрела на коробку. Ярко-красный бант на крышке издевательски топорщился, напоминая пятно крови на снегу.

— Ладно, — сказала я пустой комнате, чувствуя, как упрямство, граничащее с глупостью, берет верх над страхом. — Посмотрим, чья возьмет.

Глава 3. Три фута от смерти

Я вышла из такси за квартал до ворот, как учил Родриго. Норт-Сайд, где располагался особняк Реджинальда Уинтропа, был районом Чикаго, где происхождение не имело значения, если твой банковский счет имел достаточно нулей, чтобы заглушить любые вопросы. Уинтроп сколотил состояние на консервных заводах в годы Великой войны. Он скармливал армии тонны тушенки сомнительного качества, а после перемирия изящно переключился на сталь и железные дороги. Теперь его дом был маяком роскоши и комфорта сливок города.

Три этажа серого камня, чугунные ворота с вензелями и безупречная подъездная аллея, выложенная клинкерной плиткой. Вокруг вылизанные газоны и ни единого куста, за которым можно было бы незаметно спрятаться. Пространство здесь работало на безопасность: ты либо на виду, либо тебя здесь нет.

Я поправила тонкое кружево, чувствуя, как непривычно шелк холодит кожу, и протянула приглашение швейцару.

— Мисс Элизабет Хоуп, — бесстрастно прочитал он, скользнув по мне вежливым взглядом.

Надо отдать должное Чезаре. Платье выглядело дорого, но не вызывающе. Темно-синий шелк не бликовал под светом электрических люстр, а свободный крой не сковывал движения, и, слава богам, никаких пайеток. В этом наряде я превращалась в идеальную тень: дорогую, статусную, но абсолютно незаметную в пестрой толпе гостей. Главное, чтобы Уинтроп не оказался из тех радушных хозяев, что лезут с рукопожатиями к каждой приглашенной даме.

Кого здесь только не было. Воздух, густой от аромата дорогих сигар и французских духов, дрожал от многоголосого гула. У фуршетных столов теснились пузатые промышленники в строгих визитках, чьи лица лоснились от самодовольства. Такие привыкли говорить «нет» и получать «да». Перья в прическах их жен подрагивали в такт сплетням, а платья-чехлы, расшитые стеклярусом, звенели при каждом шаге. Эти мешки с зелеными сосредоточены исключительно на себе. Можно пройти к лестнице с их стороны.

Чуть поодаль, у массивных колонн, сбились в стайки сынки богатых папаш в щегольских смокингах с набриолиненными волосами. Они преувеличенно громко смеялись и плотоядно посматривали на женщин. А вот этим на глаза лучше не попадаться. Лишнее внимание равно лишний свидетель. Среди гостей затесалась даже парочка заезжих джазовых звезд, приглашенных для «экзотики». Впрочем, они стояли особняком, потягивая шампанское, и старательно делали вид, что им плевать на высокомерные взгляды... пока не сунешь такому доллар в передний карман пиджака. Тогда у него просыпается наблюдательность, граничащая с даром ясновидения. Их внимания точно стоит избегать.

Охрана Уинтропа была повсюду, и работали они куда тоньше, чем вышибалы в «Белых ручках». Крепкие парни в ливреях стояли у каждой двери, но их выдавали холодные глаза сканирующие толпу, как прожекторы на границе.

Зеркальный блеск мраморного пола отражал позолоченную лепнину на потолках. В центре зала возвышалось безумное сооружение. Это что фонтан из шампанского? Отлично закроет обзор охране при правильной траектории.

Я перехватила с подноса проплывающего мимо официанта бокал красного, видать из тех же «дозапретных запасов», что и водопад веселящей водички, сделала крошечный, чисто формальный глоток и растворилась в колышущейся толпе.

— Какая прелестная выделка, — раздался скрипучий голос справа.

Пожилая дама, обвешанная изумрудами, впилась взглядом в мой рукав. Она смотрела на ткань с таким хищным интересом, словно была швеей, а не богатой разведенкой.

— Парижский шелк. Последняя модель от Поля Пуаре.

Дама одобрительно прищурилась и унеслась к следующей жертве. Имя великого кутюрье подействовало как пароль. Я едва заметно выдохнула. Слишком много света, бьющего по глазам, слишком много лиц, за которыми нужно следить.

А еще мне нужно было на второй этаж. Я уже собиралась двинуться к лестнице, когда путь мне преградил самоуверенный молодчик в безупречном смокинге, с наглой улыбкой и взглядом, который уже успел ощупать каждую женщину в зале.

— Мисс, — он обольстительно улыбнулся. — Я вас где-то видел?

Я тихонько вздохнула. В голове пронеслось: «Чезаре, ты козел. Снова заставил испытывать мои социальные навыки на прочность».

— Сомневаюсь, — скользнула мимо, стараясь не ускоряться.

— Пойдите, — он ловко перехватил меня за локоть. Не грубо, но так, что пришлось остановиться. — Я уверен. Вы бываете в Фол-Ривер?

Фол-Ривер? В голове лихорадочно закрутились сделки, связанные с этим городом. Я где-то засветилась? Была год назад, но это был антикварный склад и ночью. Сомневаюсь, что этот накрахмаленный парниша мог меня там видеть. Значит подкатывает, а для таких я Элизабет Хоуп из Род-Айленда. Я посмотрела на него с высоты «своей» фамильной спеси. Ну... я хотя бы постаралась.

— Я не посещаю подобные места. И не люблю, когда меня трогают.

Я почувствовала, как рука молодого человека дрогнула. С брезгливым выражением лица перевела взгляд на его пальцы, потом на лицо, с которого сползала улыбка ловеласа.

— Прошу прощения, — он отпустил локоть. — Я не хотел...

— Вот и хорошо, — я с облегчением шагнула в сторону и растворилась в толпе, чувствуя спиной его ненужное внимание.

Обогнула фонтан, скользнула мимо двух дам, обсуждавших чей-то развод, и оказалась у лестницы. Охранник стоял в десяти футах, лениво наблюдая за залом. Второй — чуть подальше. Теперь нужно было их отвлечь.

Мой взгляд зацепился за пьяную девицу в вызывающе коротком платье цвета «электрик». Она висла на руке у какого-то холеного типа, похожего на киноактера, и старательно смеялась. Как только челюсть не болит? Идеальный детонатор.

Я сделала вид, что поправляю туфлю, пропуская мимо официанта, и оказалась ровно за ее спиной. Моя рука, скрытая складками платья, метнулась вперед. Короткий, чувствительный щипок за задницу... Бинго!

Дамочка взвизгнула, подпрыгнув на месте.

— Ах ты... ублюдок похотливый! — взвыла она, оборачиваясь к своему спутнику и залепляя звонкую пощечину. — Прямо при всех?! Ты за кого меня принимаешь, за портовую девку?!

Мужчина застыл с открытым ртом, прижимая ладонь к багровеющей щеке, а девица, войдя в раж, обрушила на него поток таких слов, которые явно не преподавали в школах для благородных дам. Официант, вздрогнув, выронил поднос. Грохот разбитых бокалов и визг возмущенной нимфы сработали лучше полицейской сирены.

Оба охранника у лестницы синхронно повернули головы к эпицентру бури. В их глазах вспыхнуло плотоядное любопытство, которое всегда побеждает профессионализм. Пока они гадали, перерастет ли пощечина в полноценный мордобой, я уже была на середине лестничного пролета.

Синий шелк не издал ни звука. Тенью скользнула на второй этаж, нырнув в прохладный полумрак коридора. Первая дверь направо.

Я замерла у нее, прислушиваясь. За спиной, на лестнице, ни звука. Из-за двери — тоже. Только снизу доносится приглушенная музыка и болтовня. Постучала для верности. Тишина.

Осторожно нажала на латунную ручку, скользнула внутрь и бесшумно притворила за собой дверь.

Кабинет тонул в лунном свете. Лучи разливали по паркету молочные пятна, высвечивали баснословно дорогую безвкусицу. Позолоченные ножки кресел, хрустальные подвески люстры, пузатые китайские вазы на консолях — все здесь так орало о деньгах, что становилось неловко за хозяина.

Я быстро огляделась.

Над камином, в массивной раме, нежилась полуголая девица с томным взглядом и одной выставленной грудью. Я скривилась. В прошлом это было модно что ли? Быстро заглянула за раму. Пусто. Надо же, была уверена, что такой, как Уинтроп, спрячет за картиной.

Массивный дубовый стол с резными ножками. Я опустила на корточки. Никакого сейфа.

Значит, стены.

Я начала простукивать деревянные панели, переходя от одной к другой, вслушиваясь в звук. Костяшки пальцев мерно отбивали ритм по лакированному дереву. Там, где за панелью была кирпичная кладка, отклик шел плотным стуком. Там, где таилась пустота — звук становился более гулким. Как если бы ударили по гитаре. Я переходила от стены к стене, от картины к шкафу, и каждая секунда этого поиска отдавалась в висках. Я здесь уже слишком долго. Там, внизу, женщины в пайетках пили шампанское и сплетничали о чужих мужьях, а я здесь стояла на коленях, прижимаясь ухом к панели, как врач, слушающий больного.

Кирпич. Кирпич. Снова кирпич.

Панель у книжного шкафа отозвалась глуше остальных.

Я затаила дыхание, боясь спугнуть удачу собственным пульсом. Нет, не показалось. За этой панелью была пустота.

Пальцы заскользили по стыкам, нащупывая щель. Внизу, у самого пола, дерево чуть отходило от стены. Я поддела ногтем, потянула. Панель не поддалась. Да что за...

Провела ладонью выше, дюйм за дюймом прощупывая резьбу, пока под подушечкой большого пальца не возник едва уловимый выступ. Короткий нажим, и потайная створка с тихим шорохом подалась внутрь и вбок, обнажая скрытую нишу. В ней, поблескивая сталью, прятался приземистый сейф. Модель «Херринг-Холл», старая добрая классика еще довоенной закалки. Тяжелый, надежный, как само британское правительство.

Я шумно выдохнула, чувствуя, как мышцы расслабляются. Господи, ну наконец-то.

Из потайного чехла на поясе я достала три инструмента, ставших продолжением моих рук: тонкая, как игла, прощупка, Г-образный рычажок и плоская лопатка.

Приложив ухо к холодному металлу дверцы, я начала медленно, на доли дюйма, проворачивать диск. Механизм внутри отзывался тончайшей вибрацией, которую нельзя было услышать, только поймать кончиками пальцев, прижатыми к корпусу.

Семь... двенадцать... двадцать три...

Запорный механизм отозвался тихим «дзынь», вставая в паз. Снизу, из бального зала, донесся взрыв хохота — чья-то удачная шутка утонула в звоне бокалов. Я выждала, пока волна веселья схлынет, и продолжила танец с цифрами.

Восемнадцать... пять... тридцать один...

Диск провернулся до упора. Я вставила прощупку в скважину, аккуратно поддевая штифты. Шли мягко как нож по маслу, но третий неожиданно заел. Я нажала чуть сильнее, металл внутри противно скрежетнул, и мое сердце на секунду пропустило удар. Заклинило?

Но нет. Штифт неохотно провалился на место. Последний.

Я взялась за массивную ручку и с силой потянула ее вниз.

Внутри, на подкладке, лежали пачки банкнот. Много пачек банкнот. Столько, что у меня перехватило дыхание. Десятки тысяч. Этого хватило бы, чтобы навсегда стереть Чикаго из

памяти: уехать во Флориду, купить дом с видом на океан и до конца дней лениво потягивать коктейли на шезлонге, пока какой-нибудь мускулистый сицилиец разминает мне плечи.

Но правила Моретти были железными: берешь только то, за чем пришел. Ни цента сверху. «Жадность, Тесс, — говаривал он, выпуская кольцо сигарного дыма, — это самый быстрый способ получить пулю в затылок. И не обязательно от врага».

Я натянула перчатки. Еще одно правило Моретти — работать исключительно в перчатках. Нечего лапать лишний раз товар. Тонкая черная кожа скользнула по пальцам, глуша их чувствительность. Надо было торопиться. Я начала перебирать пачки, отшвыривая двадцатки в сторону с легким раздражением. Где же эта чертова тряпка?

В самом низу, придавленный тяжелым весом валюты, обнаружился плоский сверток в бумаге. Я осторожно развернула его.

Шелк заструился между пальцами, переливаясь в лунном свете глубокой антрацитового чернотой. В движении он казался живым. В углу серебряной нитью были выведены две буквы: К. В. Я не понимала, что конкретно меня привлекало, но пальцы не хотелось разжимать.

...Прячсья...

Еле слышный шепот раздался у правого уха. Внутри все похолодело, от резкого страха слух заполнил шум циркулирующей крови. Я резко обернулась, подскочив. Кабинет был пуст, как и минуту назад. Шепот уже казался галлюцинацией.

Быстро завернула платок обратно в бумагу и уже потянулась, чтобы захлопнуть стальную дверцу, когда в коридоре, со стороны лестницы, раздался шаг. Я замерла, боясь, что собственный пульс выдаст меня в этой тишине. Шаги смолкли ровно напротив двери. Ручка дернулась вниз, сопровождаемая щелчком открываемого замка.

Я едва успела скользнуть в тень за тяжелой портьерой. Спина встретила с прохладой стены, а легкие замерли на полувдохе. Секунды растянулись в вечность.

Дверь распахнулась, впуская в кабинет полосу желтого света из коридора.

— Какого черта?! — раздался мужской голос, полный недоумения и злости. — Здесь кто-то был!

Секунда тишины. А потом металлический щелчок — взвод курка. У незваного гостя в руках был аргумент, не терпящий возражений.

Я вжалась в стену, стараясь не дышать. Ткань портьеры щекотала щеку. Под ногами, за слоем ковра и паркета почувствовалась вибрация шагов. Хозяин прошел по кабинету, скрипнула половица у стола. Еще шаг. Теперь он стоял в трех футах от меня.

Внизу, в бальном зале, звонко рассмеялась женщина. Ей и не снилось, что наверху сейчас решается нехитрая задачка, успею ли я выскользнуть из этой комнаты раньше, чем пуля найдет мое сердце.

Глава 4. Кровь на черном шелке

Я не стала ждать, пока хозяин кабинета закончит свой вопрос или нажмет на спуск. Времени на раздумья оставалось ровно столько, сколько нужно бойку, чтобы ударить по капсюлю. Смерть в этот момент маячила голой сиськой на стене и перегаром разъяренного мужика, а жизнь заключалась в битом стекле и холодном ночном воздухе.

Я рванула к окну, вложив в этот бросок всю тяжесть своего тела и отчаянное желание жить. Портьера запуталась в ногах, едва не лишив меня равновесия, но инерция уже несла вперед. Удар плечом пришелся в самую раму. Раздался треск и мир вокруг взорвался мириадами острых брызг. Ну конечно, стекло было толстым и качественным. Оно не рассыпалось в мелкие осколки, а резало плоть с каким-то аристократическим изяществом.

В ту же секунду за спиной грохнуло. Кабинет отозвался оглушительным эхом выстрела. Я почувствовала, как плечо обожгло, будто кто-то приложил к коже раскаленное клеймо. Пуля прошла навывлет, забирая с собой кусок кожи и остатки моего самообладания. Я вывалилась в темноту, кувыркнулась по покатой крыше террасы и, не успев затормозить, рухнула вниз, прямо в колючие объятия декоративного кустарника.

Воздух выбило из легких, несколько секунд я лежала, пытаюсь вдохнуть и заставить свои органы вернуться на прежние места. Сверху, из разбитого окна, уже кричали. Луч фонаря разрезал тьму, мечась по газону в поисках моего тела. Охрана поднималась на уши невероятно быстро. Эти парни явно получали свои деньги не за красивую ливрею.

— Вон она, у кустов! К забору, отрезайте ее, живо!

Я вскочила, игнорируя пульсирующую боль в плече. Рука мгновенно стала липкой и горячей. Кровь пропитывала дорогой темно-синий шелк платья, превращая его в черную массу.

Я начала отступать к служебному входу, памятуя обещание Родриго ждать меня с заведенным мотором. Его план казался надежным еще час назад, но теперь реальность крошилась под ногами. Я бежала, пригибаясь к самой земле, стараясь держаться в тени каменных статуй и живой изгороди. Кровь стекала по предплечью, капая на гравий дорожек, и я понимала, что оставляю за собой след, который в свете фонарей будет сиять ярче любого указателя. На углу особняка, прямо у кованых ворот служебного въезда, мелькнула знакомая тень. Родриго.

Он уже вышел из машины, распахнул для меня дверцу, его рука лежала на крыше автомобиля, выдавая готовность прыгнуть за руль и сорваться с места в любую секунду. Наши взгляды встретились на долю мгновения. Он сделал шаг вперед с напряженным лицом, в глазах читалась яростная готовность вытащить мою задницу из этой заварушки, даже если придется перестрелять половину штата. Но я лишь замотала головой, меняя направление.

— Тереза! — голос Родриго перекрыл шум начавшейся погони.

Я не обернулась. Идиот, уезжай! Если я сейчас прыгну в салон, то приведу всю эту свору прямо к нему. Уинтроп не просто богат, у него в кармане половина полицейского управления и парочка сенаторов. Если нас возьмут вместе, Родриго устроит мясорубку, новости о которой будут греметь на весь Чикаго, но не сдастся, пока сам не превратится в решето. Он был слишком ценен для Цезаре, чтобы рисковать им ради неудачного дела. Да о чем я, он был слишком ценен для меня. Я свернула в сторону, прочь от спасительных ворот, в самую гущу теней, уводя преследователей за собой, подальше от черного авто и человека, который был мне ближе всех в этом проклятом городе.

Чудом добежав до края территории и чуть не словив еще одну пулю, перемахнула через невысокую каменную кладку, и оказалась прямо на проезжей части. Чикаго 1923 года никогда не спал по-настоящему, даже в таких респектабельных районах. Визг тормозов и надрывный звук автомобильного рожка ударили по ушам раньше, чем я успела сообразить, что происходит. Огромный черный «Паккард» со сверкающими хромированными фарами заложил кру-

той вираж, обдавая меня жаром перегретого мотора и едкой вонью жженой резины. Колесо замерло в каких-то паре дюймов от моего колена, подняв тучу пыли и дорожного мусора.

Мир схлопнулся до размеров этого мгновения, запертого в конусах слепящего света. В этой внезапной стерильной тишине, окутанная сизым дымом жженой резины, я казалась сама себе призраком, застигнутым врасплох.

Сквозь лобовое стекло на меня вылупился бледный, обрюзглый толстяк. Его рот открылся в беззвучном, почти комичном крике, а глаза за стеклами очков стали совершенно круглыми от запредельного ужаса. На него смотрела растрепанная женщина в разорванном вечернем платье, залитая кровью и отдающая безумием. Все это застыло в мутном мареве, как на проявленном фотоснимке, прежде чем реальность снова обрела звук. Мы замерли, разделенные лишь тонким слоем стекла, металла и социального статуса, а потом я рванула мимо него, оставив толстяка приходить в себя в кожаном салоне его роскошного авто.

Город встретил меня своим привычным, недобрым оскалом. Район Нижнего Вест-Сайда начинался всего в паре кварталов, его вонючие подворотни манили обещанием укрытия, которое было так необходимо. Я летела по мостовой Морган-стрит, каблуки стучали по камням, мешая нормально разогнаться. Сбрасывать туфли было нельзя. Не хватало еще напороться на битое стекло.

Мимо в сточную канаву прошмыгнула огромная крыса, из разбитой бутылки у входа в какой-то подпольный бар несло паленым джином. Мои легкие горели, в боку кололо, сердце билось где-то в горле. Казалось, еще триста футов такого забега, и я просто выплуну его в очередную лужу. Плечо пульсировало в такт шагам, рука окончательно онемела. Я чувствовала, как силы уходят вместе с кровью. Нужно было перевязать рану, но в запасе не было и секунды, чтобы остановиться.

Сзади слышался топот. Много людей. Трое или четверо. Полицейские свистки, мат на итальянском, выстрел в воздух. Пуля чиркнула о кирпич где-то совсем рядом над головой, осыпав мои плечи мелкой пылью. Едкий пот заливал глаза, смешиваясь с кровью из разбитой губы. Когда я успела приложиться лицом? Наверное, еще там, при падении из окна.

Свернув в узкий проезд между Форкер-стрит и Тейлор, едва не вписалась плечом в стену. В лицо ударил запах гнили и мочи, смешанный с какой-то серной гарью из подвала. Из темноты донеслось пьяное бормотание. Кто-то спал в подворотне, укрывшись вчерашним выпуском Chicago Tribune. Дальше. Только дальше.

Вылетела на Халстед-стрит. Справа красовался ресторан «Золотой наперсток». Из его открытых дверей хлестал бодрый фокстрот, слышался женский смех и звон посуды. У входа женщина в роскошном боа и мужчина в котелке о чем-то громко спорили, не обращая внимания на происходящее вокруг.

— ...говорю тебе, этот саксофонист вчера... — донеслось до меня.

— ...чтоб я еще раз пошла в этот... — ответила его спутница.

Их голоса оборвались, когда я пронеслась мимо, обдав их запахом крови и пота. Мужчина что-то крикнул вслед, возможно, возмущенно, но прохладный ветер с озера Мичиган тут же унес его слова. Снова поворот. В темную, узкую щель Десплейнс-стрит.

Тупик. Твою мать.

Глухая кирпичная стена в десяти футах. Ни дверей, ни проходов. Ржавая пожарная лестница висела слишком высоко, мне было не допрыгнуть даже в здоровом состоянии, не то что с простреленным плечом. От мусорных баков несло так сильно, что мой желудок подпрыгнул к самому горлу. Я развернулась, тяжело дыша и прижимая здоровую руку к ране. Из переулка уже вылетели двое. Третьего не было видно, но свистки становились все ближе.

— Стоять! — заорали по-английски. Полиция.

Где они были пять минут назад?

Пьяница, отливающий у стены, обернулся, икнул и попытался что-то сказать, но я уже не слушала. Рванула обратно, и тут грохнул второй выстрел. Пуля выбила искру из гранитной брусчатки в трех футах, обдав каменной крошкой лодыжки.

Назад.

Обратно мимо «Золотого наперстка», теперь в другую сторону. Фокстрот сменился чем-то джазовым. Кинг Оливер? Из дверей вывалились трое в смокингах, девушка в блестящем платье громко хохотала. Я врезалась в них плечом, кого-то толкнула, услышала мат, извинения.

— Кумари, ахтунг! — крикнул кто-то с акцентом.

Влетела в следующий пролет, перепрыгнула через мусорный бак, чуть не упала, удержалась, вцепившись в стену. Ладони заскользили по потекам на кирпиче. Чуть не вписалась лицом. Ноготь на указательном сломался под корень. Зараза, больно!

Сзади — топот тяжелых сапог. Полицейские свистки теперь были со всех сторон, будто весь город поднялся на уши.

— Дернешься, и я стреляю!

Судя по всему, это не было пустой угрозой. Я видела блеск стали в его руке. Бежать было некуда. Я резко ушла за мусорный бак вправо, буквально вжавшись в пространство между железным корпусом и грязной стеной. Пуля прошла в опасной близости, со звоном от ricochet от бака и выбив сноп искр.

За баком меня накрыла отчаянная мысль. Придется драться. Может быть, если я смогу внезапно атаковать, удастся выбить пистолет из его рук. Я сунула руку под разорванный подол платья и достала нож. Маленькое, верное лезвие. Этот ублюдок не должен видеть мое лицо. Если я чудом смогу уйти, он запомнит меня, и тогда через описание полиция выйдет на банду Чезаре. Если я засвечусь, Моретти сам придушит меня за то, что я подставила «семью».

Взгляд упал на сверток, который я все это время прижимала к груди. Платок. Черный шелк с серебряной вышивкой «К.В.». Не думая, руководствуясь каким-то животным инстинктом, я судорожно начала вязать его на лицо, закрывая нос и рот. Пальцы дрожали, узел никак не поддавался. В голове внезапно всплыл какой-то дурацкий, нервный смешок: «Привет, сыны Техаса».

Тяжелые шаги становились все ближе. Черт, кого я обманываю? Какая драка с вооруженным мужиком в моем состоянии? Я просто дура. Сдохну здесь, как паршивая крыса за помойкой, и никто даже не узнает, где я закончила свои дни.

Я почувствовала, как голова начала кружиться. Кровь продолжала толчками выходить из плеча, сознание становилось зыбким, как марево над асфальтом в жаркий полдень. Только бы не отрубиться прямо тут. В глазах начало темнеть, но это была странная темнота, подпернутая какой-то серой трухой. В пустом еще секунду назад тупике, вдруг стало тесно от чужого присутствия. Вокруг шевелились причудливые тени, слышались приглушенные голоса.

— ...не забудь запереть чердачное... — словно в двух футах от меня раздался старческий голос.

Я вздрогнула.

— ...сорок два, сорок три, сорок... — монотонно, как в бреду, зачастил мужской голос откуда-то издалека.

Послышались тихие всхлипы ребенка.

— Стань тенью в тени, врасти в темноту... — выдохнул женский голос прямо в ушную раковину.

— Замри, не дыши, превратись в тишину... — тут же отозвался мужской бас, словно из глубокого колодца. Наверное, так и выглядит смерть, когда мозг подбрасывает тебе самые странные картинки, чтобы было еще страшнее уходить.

Надо мной нависла тень, закрывая тусклый свет уличного фонаря. Усилив воли я сосредоточилась на ней, отгоняя галлюцинации. Сжала кулаки, впиваясь пальцами в рукоять ножа

и готовясь к последнему, самоубийственному броску. Воздух под платком стал ледяным, от него перехватывало дыхание.

— Какого хрена?! — раздался голос полицейского прямо надо мной.

В нем не было торжества или угрозы. Только полное недоумение.

— Куда она делась? Только что была здесь!

Мужик в форме стоял буквально в шаге от меня. Я видела его ботинки, видела, как он нервно сжимает рукоять револьвера. Он начал лихорадочно оглядываться по сторонам, едва не задев меня полкой своего плаща. Я замерла, боясь даже моргнуть, боясь, что меня выдаст стук сердца. Что происходит? Он смотрит прямо на бак, он должен видеть мое плечо, край моего платья. Но он ведет себя так, будто этот грязный переулок абсолютно пуст. Мозг отказывался воспринимать реальность. Я своими глазами видела, как он озадаченно чешет репу, недоуменно озираясь, как он заглядывает за пустые ящики в пяти футах от меня.

— Эй, Хэггерти! Вы там нашли что-нибудь? — крикнули из глубины переулка.

— Ни черта! — раздраженно отозвался полицейский. — Она просто испарилась. Сквозь землю провалилась, проклятая дрянь. Тьфу, мистика какая-то!

Он еще раз сплюнул на землю, выругался и медленно пошел обратно к выходу на Десплейнс-стрит. Его шаги удалялись, пока совсем не затихли, сменившись обычным гулом ночного Чикаго. Я осталась одна. Пальцы медленно разжались, и нож с негромким звоном упал на камни. Я сорвала платок с лица, жадно хватая ртом воздух. Голоса в моей голове тут же затихли, оставив после себя лишь противный звон в ушах. Весь мир вокруг снова стал болезненно реальным. Боль в плече вернулась с новой силой, заставляя меня согнуться пополам.

Нужно было уходить. Но куда? Путь в «Белые ручки» мне теперь заказан. Я не принесла платок Чезаре, провалила задание, за мной охотится полиция всего города. Я больше не могла вернуться в свой угол, не могла надеяться на избавляющий от хандры джин Роберто или на то, что Янина снова будет пересчитывать свои бумажки под красным абажуром, пока я отдыхаю после дела. Дома больше не было.

Я была одна в этом огромном, безжалостном городе, истекающая кровью и сжимающая в руках кусок шелка, который только что спас мне жизнь каким-то невозможным, пугающим способом. Чикаго продолжал жить своей жизнью. Оркестры в кабаках гремели свой безумный джаз, богачи в Норт-Сайде пили шампанское, а я сидела на грязных камнях за вонючим мусорным баком и гадала, доживу ли до рассвета. Я посмотрела на платок. Серебряные буквы «К.В.» слабо мерцали в лунном свете. Что бы это ни было, оно теперь было частью меня. И эта мысль пугала меня гораздо сильнее, чем пуля полицейского. Я заставила себя подняться, опираясь на холодную стену. Оторвала измусоленный подол платья и перевязала руку. Нужно было найти место, где можно обработать рану и просто дожить до завтрашнего дня. Если он вообще для меня наступит.

Глава 5. Шепот гнилой воды

Я брела по ночному Чикаго, едва переставляя ноги. В голове была апатичная пустота — неизбежный откат после того, как безумная порция адреналина окончательно выветрилась из крови. Город вокруг меня изменился. Он больше не был моей игровой площадкой, где я знала каждую подворотню и каждый проходной двор. Теперь он казался огромным, голодным зверем, затаившимся в ожидании, когда я окончательно обессилею и упаду в сточную канаву. Кровь под наспех наложенным жгутом продолжала сочиться, неприятно холодя кожу, но острая боль уже притупилась, сменившись ватным онемением. Сейчас меня грызла не она, а чувство сокрушительного, позорного провала. Я подставила Родриго, я не принесла платок, я засветилась перед полицией. Но хуже всего было осознание того, что я подвела Чезаре. Я ненавидела себя за эту слабость, за это рабское желание быть лучшей в его глазах. Это было унижительно — признавать, как сильно мне требовалось его одобрение. Мне чертовски нравилось, когда он признавал мой талант, когда в его холодном, расчетливом взгляде проскальзывали искры настоящего уважения. Он выделял меня среди остальных, и это действовало на меня сильнее любого джина. Чезаре Моретти умел вползать в душу так же грациозно, как он входил в зал, заполненный людьми. Я вспомнила его хищный, внимательный взгляд, выделяющий меня из толпы разодетых кукол. «Снежинка, ты невероятна. Ты достанешь даже корону Сатаны из самой преисподней, если я попрошу», — его насмешливый баритон до сих пор вибрировал у меня в ушах.

Я ведь и правда готова была достать для него все, что угодно. Ни к месту, посреди этой вони и боли, вспомнились его губы, вечно изогнутые в ироничной усмешке и то, как он умел заполнять собой все пространство. Вспомнилось, как на банкетах он, игнорируя десяток столиков с надушенными, роскошными женщинами, направлялся прямо ко мне в этом своем шикарном костюме за кучу зеленых. При этом смотрел исключительно мне в глаза, словно во всем зале не было больше ни единой живой души. Он приглашал меня на танец не как подчиненную, а как равную. Твою мать, о чем я вообще думаю? Я тряхнула головой, едва не лишившись чувств от резкой вспышки боли. Чезаре просто профессионал. Он знал, как приручить инструмент, как заставить его работать на износ и рисковать жизнью, подпитывая тщеславие и преданность. И я попала на эту удочку, как последняя дурочка из провинции, поверив в свою исключительность. Умел он запудрить мозги нашему полу, ничего не скажешь.

Куда мне было податься, если не в «Белые ручки»? Нужно было место, о котором Моретти не вспомнит сразу, место из моего прошлого, до того, как я стала «Снежинкой». Кровной родни у меня здесь нет, да и не думаю, что кто-то из них открыл бы мне дверь. Бывшие поделщики из банды ОЛири? Так я там ни с кем и не сблизилась толком. Может только если Шизанутый О?

Я направилась к реке. Чикаго-ривер в это время суток была похожа на сточную канаву для грехов всего города. От воды несло мазутом, гнилой рыбой и тяжелой угольной гарью, которая липла к лицу вместе с речным туманом. Я шла по набережной, стараясь держаться в тени складских ангаров. В районе Ривер-Вест, среди заброшенных кожевенных заводов и покосившихся лагун, доживал свой век Шизанутый О.

Мы вместе когда-то работали в банде ОЛири, еще до того, как Моретти перекупил меня, пообещав жизнь получше и работу почище. Забавно, что даже ирландцы звали его просто О, не в состоянии выговорить его зубодробительную фамилию. Он был отличным медвежатником, крепким, как дубовая бочка, и надежным, пока у него не поехала кукуха. Это случилось пять лет назад после какого-то мутного дела на складах. О вернулся оттуда сам не свой: заговаривался, пугался собственной тени и утверждал, что слышит, как стены шепчутся. Его списали на пенсию, решив, что мужик окончательно спятил от паленого спирта, и он осел в подвале

полуразрушенного дома прямо у самой кромки воды. Этот дом когда-то был доходным, но после пожара от него остался только обгорелый остов и крепкий фундамент, в котором О и устроил себе логово.

Я миновала ржавые причалы, где черные волны лениво лизали обросшие слизью сваи, и спустилась по скользким ступеням в подвал. От двери несло машинным маслом и металлической стружкой. Толкая тяжелую дверь, я даже не надеялась, что она окажется заперта. О давно перестал бояться живых людей.

Внутри было тесно и темно. Единственная лампа без абажура выхватывала из мрака завалы разобранных часов, пишущих машинок и непонятных железных потрохов. О занимался починкой всего, что имело шестеренки, и скупкой того, что полиция искать уже не рискнет.

Он сидел к двери спиной, согнувшись над верстаком. Когда я вошла, его плечи, широкие и костлявые под грязной майкой, заметно напряглись.

— Ты принесла с собой холод, норвежка, — прохрипел он, не оборачиваясь. — От тебя несет Изнанкой так, что у меня зубы разнылись.

Я прислонилась к дверному косяку, чувствуя, как силы окончательно покидают меня.

— И тебе не хворать, О. Сколько лет, сколько зим и все такое?

Пришлось сползти по стене на стоявший неподалеку табурет, пачкая его кровью.

— Мне бы перекантоваться, раны зализать.

Он медленно повернулся, и я вздрогнула. Его неестественно белое лицо было покрыто сетью глубоких морщин, а веселые когда-то зеленые глаза казались выцветшими, почти прозрачными. М-да, мужик сильно сдал за те пять лет, что мы не виделись. О посмотрел сначала на меня, а потом начал разглядывать что-то над моей головой, бурча себе под нос. Узнаю старого доброго Шизанутого О. Я усмехнулась.

— Зачем ты приволокла это сюда? — спросил он, с ужасом переведя взгляд на сверток в моих руках. — Ты хоть понимаешь, какую дверь ты открыла, дура?

— Это просто тряпка, О, — выдохнула я, из последних сил стараясь не растянуться без чувств. — Просто кусок шелка, за который Чезаре готов был много заплатить.

О издал звук, похожий то ли на смешок, то ли всхлип. Он подошел ближе, и я увидела, что его руки мелко дрожат.

— Тряпка? Нет, норвежка. Это не просто тряпка. Это якорь. Артефакт... да... артефакт. Так это барахло называют другие.

Он поставил эмалированный чайник на плиту и бросил на покосившийся стол хлеб с сыром.

— Артефакт? Типа волшебной палочки или шапки-невидимки? Если у тебя новый приступ шизы, так и скажи, я сказки слушать не буду, мне бы просто зашить.

Он бесцеремонно усадил меня на колченогий табурет у стола и начал срезать остатки моего платья тупыми ножницами. Я зашипела от боли, когда ткань отдиралась от подсохшей раны вместе с лоскутами кожи. Выглядело скверно. Будет уродливый шрам.

— Это тебе не просто магия из дешевых книжек. — О начал промывать рану какой-то вонючей бурдой. — Такая вещица дает тебе силу, дает способности, которые обычным смертным и не снились. Власть! Деньги! Дьявольская удача! — он судорожно оглянулся на дверь. — Только за все нужно платить, Тесс. Она дает тебе мир на блюде. Но пока ты ешь, она ест тебя. Каждый раз, когда ты используешь артефакт, он откусывает кусок твоей души. Поверь, я знаю, о чем говорю.

— Ты че вообще несешь? — я попыталась отстраниться, но он крепко держал меня за здоровое плечо. — Я просто украла платок! Очередная блажь какого-то богача с Норт-Сайда. Чезаре часто берет такие заказы. Когда один толстосум не может договориться с другим по-хорошему, в ход идут мои пальцы и отмычки.

— Моретти... — О сплюнул на грязный, заваленный стружкой пол. — Думаешь, все так просто? Этот ублюдок давно приторговывает такими штуками из-под полы. Мы с ребятами Олири за ним наблюдали, когда еще всем заправлял его папаша. Думаешь, как я оказался на том складе? Он не просто мафиози, он стервятник, который ищет такие вещи. Скупает или крадет все, что источает холод, все, что шепчет по ночам. А ты так удобно была его исполнителем. То, что тебя позвала Изнанка, было лишь делом времени. Ты слишком долго крутилась рядом с этим дерьмом.

Я сглотнула. Перед глазами снова поплыли тени из тупика, слышался плач ребенка и тот ледяной женский шепот, от которого волосы на затылке вставали дыбом. Сложно было списать это на бред Шизанутого О. Теперь это был и мой бред.

— Изнанка? Это еще что за хуета?

О поставил перед мной чашку горячего чая, перед этим от души плеснув туда мутного самогона.

— Ну... может это и по-другому называется. Но суть в том, что тебя начинает затягивать куда-то. С каждым использованием артефакта я чувствую, как таю, словно кусок масла, выпцветаю, словно ветошь на палящем солнце. Раньше были только голоса, затем появились силуэты, обрывки... сложно объяснить. Да и толку? Теперь ты сама поймешь... да... прочувствуешь. — О хихикнул, а затем потрянул головой, словно сбрасывая наваждение. Меня передернуло.

Он плеснул на иглу виски и без предупреждения вонзил ее в мою кожу. Я закричала, вцепившись пальцами в край стола. Боль была такой острой, что на секунду в глазах потемнело.

— Терпи, — буркнул О. — Иначе сгниешь живо. Тебе нужно скрыться, Тесс. И не только от полиции.

— Я знаю, — прохрипела я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как лоб заливают холодный пот. — Полиция, Моретти... Весь Чикаго теперь хочет мою голову.

О коротко рассмеялся, делая очередной стежок. Я перехватила у него бутылку виски и залпом сделала несколько больших глотков. Жидкость обожгла горло, но немного притупила реальность. Ирландец как он есть: будет жить в подвале на помойке, но на приличный вискарь деньги раздобудет. А мне-то самогона в чай плеснул, старый жук.

— Не они должны тебя волновать, глупая девчонка. Плевать на копов и на Чезаре с его амбициями. Бойся теневиков.

Я заставила себя усмехнуться, хотя от боли в глазах стояли слезы.

— Да брось, О. Теневики? Это же уличные байки, чтобы пугать мелких форточников и карманников. Непонятные ребята в черном, которые охотятся за призраками? Ты слишком долго сидел в этом подвале.

Его рука, штопающая рану, остановилась, лицо оказалось в нескольких дюймах от моего.

— Может и байки, — тихо сказал он, оглянувшись перед этим. — А может и нет. Но когда из твоих окон начнет сочиться серый туман, а за дверью встанут люди, чьи лица ты не сможешь запомнить, как ни старайся... тогда вспомнишь про байки. Они чувствуют эту дрянь, Тесс. Я от них еле ушел в свое время и умудрился залечь на дно. Как видишь, жизнь моя мало отличается теперь от жизни крысы. Твой платок сегодня проорал на весь город, что он здесь. И они уже в пути.

Он закончил шить и наложил тугую повязку из чистой (по его меркам) ветоши. Боль утихла до тупого, пульсирующего нытья. Я чувствовала себя выжатой половой тряпкой.

— Садись, поешь чего-нибудь, — он кивнул на подсохший сыр с хлебом. — И убери эту дрянь подальше.

Я посмотрела на свои мелко дрожащие руки. Весь мой мир, который я так хорошо знала, где все решалось калибром пули, скоростью ног и толщиной кошелек, стремительно рушился.

— Как ты его активировала, кстати? Моретти, тебе разве не говорил работать в перчатках? Меня-то в свое время никто не предупредил.

Я замерла с протянутой к хлебу рукой и ошарашенно уставилась на него.

— Вот же блядство! Говорил... Этот сукин сын действительно был в теме, но не сподобился предупредить меня, — я почувствовала, как горло сжимает спазмом. — У меня не было выбора, О. Тупик на Десплейнс. Полиция прижала меня к мусорным бакам. Выстрелы, свистки... Я просто повязала его на лицо, чтобы не узнали.

— На лицо? Ты надела его как маску? — он вскочил, опрокинув банку с винтиками. — Господи, Тесс, ты не просто потрогала Изнанку, ты вдохнула ее. Рассказывай. Все рассказывай. Как это было?

Я сглотнула кислую слюну, чувствуя, как подкатила тошнота.

— Звуки пропали, О. Вернее, они стали другими. Город как будто накрыли ватой. А потом... голоса. Сотни голосов. Какой-то старик просил запереть чердачное окно, ребенок плакал, женщина шептала мне прямо в ухо, чтобы я стала тенью. А полицейский... он стоял в двух футах. Смотрел на меня и не видел. Он ругался, плевал мне под ноги, но я для него была просто пустотой. Пустым местом в переулке.

О слушал меня, затаив дыхание. Его глаза белели в тусклом желтом свете сороковаттной лампы.

— Изнанка... знаешь, я думаю, это мир отражений, мир-свалка, где все, что мы теряем или забываем, обретает голос. Ты не просто спряталась, Тесс. Ты временно перестала принадлежать этому миру. Ты провалилась в Изнанку.

Я отхлебнула чай из кружки и закашлялась. От чая там было только название.

— А какой тогда артефакт у тебя, О? — спросила я, глядя на его синюшно-бледную кожу и постоянно дергающиеся пальцы. — Из-за чего ты стал таким?

О застыл, его взгляд устремился в темный угол подвала, где, как мне показалось, тени зашевелились чуть активнее, чем следовало. Он медленно опустил руку в карман штанов и вытащил оттуда старые, потемневшие от времени карманные часы. Они не тикали. У них вообще не было стрелок, только белый циферблат.

— Я больше не живу в твоём времени, Тесс, — прошептал он. — И поверь мне, это самая паршивая сделка, которую я когда-либо заключал.

Он снова замолчал, уставившись в точку на стене. Может опять слушал голоса, а может просто задумался — этого О не разберешь.

— Ложись спать. Я постелю тебе на полу. Но после уходи, мне не нужны гости, если ты понимаешь о чем я, — проворчал он, вставая и убирая недопитый виски в шкаф.

Я смотрела на его пустые часы и понимала, что мой путь в никуда только начинается. И где-то там, в свете электрических люстр своего кабинета, Чезаре Моретти уже строит новые планы, в которых мне, живой и настоящей Терезе Эрлендсдаттер, места больше нет.

Глава 6. Золото в сточной канаве

— ... Вставай... эй... быстрее... вставай... — сквозь вязкое забытие пробивался встревоженный, срывающийся на хрип голос О.

Я не помнила, как отрубилась вчера. Сон не принес облегчения; он был похож на падение в глубокий заброшенный колодец, забитый серым туманом и обрывками чужих, неразборчивых шепотов. Я попыталась открыть глаза, но веки казались склеенными засохшей солью и грязью. Плечо, туго перетянутое ветошью, отзывалось дергающей пульсацией при малейшей попытке пошевелиться. Каждое сокращение мышцы ощущалось так, словно под кожу зашили раскаленный гвоздь.

— Который час?... — прохрипела я, шурясь от болезненного света раскачивающейся лампы.

О не ответил. Он в исступлении метался по своему подвалу, бессистемно перекладывая инструменты и детали механизмов. Его пальцы, и без того беспокойные, теперь танцевали какую-то безумную джигу. Вдруг О замер, уставившись в пустой угол подвала, и его челюсть мелко задрожала.

— Они уже пробуют стены на вкус, Тесс. Слышишь? Кирпич крошится под их пальцами, — прошептал он, и его глаза, белесые в тусклом свете, на мгновение закатились. — Они уже близко. Близко! У тебя пять минут. Пять минут, пока туман не стал твердым!

Он схватил старый холщовый мешок и начал лихорадочно заталкивать туда мои скудные пожитки, при этом отчаянно жуя нижнюю губу. По подбородку потекла тонкая струйка крови, но он ее не замечал.

— Они близко... Слышишь? Пять минут! — О снова почти выкрикнул это, лихорадочно озираясь на тяжелую дверь, ведущую к причалам.

— Да поняла я. Кто «они»? — я рывком села, избегая смотреть ему в окровавленное лицо, и мир тут же совершил тошнотворный кувырок, заставляя меня вцепиться в край стола. — Копы? Люди Чезаре вышли на след?

— Просто уходи! — О проигнорировал мой вопрос, его паника была почти осязаемой, она наполнила подвал кислым запахом застарелого страха.

Я посмотрела на себя и поняла, что мне нечего надеть. Вечернее платье, в котором я еще вчера была богатой наследницей, теперь выглядело как реквизит из бульварного романа ужасов: изорванное, пропитанное засохшей кровью и грязью подворотни. Я взглянула на свои ноги. Лакированные туфли смотрелись абсурдно в этом грязном подвале. Один ремешок порвался, но каблуки были целы. Дефилировать от копов и банды Моретти на трехдюймовых каблуках, когда в голове шумит, а плечо разрывает на части, будет затруднительно, но выбора не было. Хотя Чезаре, этот эстет чертов, наверняка оценил бы.

О швырнул мне в лицо тяжелый сверток.

— Надевай. Быстрее, ради всех богов, быстрее! Они уже лижут дверную ручку!

Это были потасканные мужские штаны из грубой саржи, подпоясанные пеньковой веревкой, и безразмерная серая фланелевая рубаша, насквозь пропитавшаяся запахом керосина и чужого пота. Я переодевалась в панике, путаясь в штанинах, чувствуя, как холодный воздух подвала лижет кожу. Каждое движение раненой рукой вырывало из горла глухой стон. Я ощущала себя выпотрошенной рыбой, которую в предсмертной судороге пытаются засунуть обратно в чешую. Обуви у О не нашлось.

— И мерзость свою не забудь! — О указал на платок, сиротливо лежащий на краю стола. — От него фонит за милю. Тени вокруг него сгущаются, видишь? Зачем я тебя пустил? Зачем-зачем-зачем...

Он забормотал это под нос, окончательно теряя остатки рассудка. Его взгляд стал блуждающим, он начал гладить стены, словно успокаивая их. Связность речи пропала, сменившись бессвязным хрипом. Изнанка, которую я притащила сюда на своем плече, выбила последние подпорки из его и без того гнилого разума.

Я подхватила платок, стараясь не касаться его открытой кожей, и сунула в мешок. Даже через слой холстины я чувствовала этот мертвенный холод. Когда уже стояла на пороге, готовая нырнуть в ночную мглу, О вдруг замер и посмотрел на меня с неожиданной ясностью.

— Договорись с платком, Тесс. Услышь его. Иначе сдохнешь быстрее карпа, выброшенного на камни. Слышишь? Договорись!

— О чем ты? Как мне с ним договариваться? — я замерла на ступенях.

— Пошла вон! — взвизгнул он, брызжа розовой слюной. — Пошла вон! Быстрее!

— Я не забуду твою помощь, О. С меня должок, — бросила я и выскочила в холод ночи.

Зараза, если я поспала пару часов, то это было чудом. Тело казалось чужим, собранным из плохо подогнанных деталей. Окружающее пространство утопало в густом тумане, который Чикаго-ривер выдыхала перед каждым рассветом. Я двигалась быстрым, рваным шагом, перебегая от одной густой тени к другой, прячась за ржавыми портовыми кранами и бесконечными штабелями досок. Голеностоп подворачивался, и пару раз я едва не вскрикнула, когда порванный ремешок заставлял ногу скользить внутри туфли.

Пройдя так ярдов двести, я не выдержала и обернулась, вжавшись в холодный кирпич ангара. Там, позади, туман над логовом О вдруг начал странно пульсировать. Из серой взвеси медленно выделились три фигуры в длинных темных пальто. Они двигались синхронно, без единого звука, словно не шли по земле, а скользили над ней. Лица прятались в тени полей широкополых шляп. Один из них медленно повернул голову в мою сторону, и я почувствовала, как в затылке закололо тысячи ледяных иголок.

Я рванула прочь, проклиная свои туфли. «Цок-цок-цок» — этот звук казался мне оглушительным, он выдавал меня с потрохами в этом ватном безмолвии. По спине стекал холодный пот. Голова раскалывалась, перед глазами плавали мушки. В этих обносках я выглядела как обычный бездомный бродяга, копошащийся в портовом мусоре, если бы не дурацкие туфли, и это было моим единственным шансом. Без денег и еды я была лишь трупом, который еще продолжает ходить на каблуках.

Из прудутренной синевы, перекрывая плеск воды, донесся утробный гул. Я вгляделась в противоположный берег. Теперь понятно, куда меня ноги занесли. Оптовый рынок на Саут-Уотер. Он располагался на южном берегу Чикаго-ривер и в этот предрассветный час напоминал растревоженную выгребную яму, полную жизни и ярости.

Этот рынок был истинным брюхом Чикаго. Он представлял собой бесконечный ряд кирпичных складов, вдоль которых выстроились сотни фургонов. Здесь правила не мораль, а голый инстинкт выживания. Пока торгаши в огромных кожаных фартуках, забрызганных кровью, разгружали туши и пересчитывали пачки перепачканных жиром банкнот, десятки мелких карманников скользили между фургонами, словно тени. Стащить здесь что-то было проще простого, если ты готов рискнуть зубами.

Вот уж не думала, что мне придется вернуться к истокам. Ублюдок Чезаре сделал из меня ювелира, «Снежинку», работающую наманикюренными пальчиками в тени бюстов из белого мрамора. Теперь-то я понимаю, что ему нужен был красивый инструмент, с которым не слишком жалко расстаться. Что, если я разучилась? Что, если мои пальцы, привыкшие к тонким отмычкам и шелку, стали слишком медленными для уличной работы? Если меня поймает какой-нибудь мясник, он не будет вызывать полицию. Он просто проломит мне череп обломком ящика и сбросит в реку, и никто даже не спросит, как меня звали. Эта мысль жгла изнутри.

Бывшее поле работы встретило меня запахом свежего навоза от сотен лошадей, который смешивался с вонью гниющей капусты, ароматом кофейных зерен в мешках и резким, соленым духом морской рыбы, лежащей на горах колотого льда.

Грузовики «Форд» и «Мак» грохотали, выпуская клубы сизого, вонючего дыма, а грузчики — поляки, итальянцы, ирландцы — орали друг на друга на нескольких языках, перетаскивая на спинах туши свиней, заляпанные кровью. Резкий, шипящий свет ацетиленовых горелок выдергивал из темноты их потные лица и пар, вырывающийся изо ртов. Это был хаос, в котором выживали только самые быстрые и наглые.

Грязь под ногами была скользкой от рыбьей чешуи, жира и навоза. Передвигаться здесь на каблуках было изоощренной пыткой. Ноги дрожали от усталости, икру правой ноги свело судорогой, и я замерла у фургона, едва сдерживая слезы от бессилия и боли. Ювелир «Снежинка» осталась в разбитом окне Норт-Сайда. Сегодня в грязь вышла голодная крыса, которая едва стояла на ногах. Я чувствовала себя жалкой. Каблук попал в щель между досками настила, и я резко дернула ногой.

— Соберись, дрянь, — прошептала я себе, впинаясь ногтями в ладони.

Я зашла в самую гущу толпы грузчиков и торгашей. Меня толкали, задевая больное плечо, и каждый раз я едва не теряла сознание от этих ударов. Довольно скоро я заметила жирного закупщика в добротном пальто. Он громко спорил с торговцем птицей, размахивая пачкой банкнот. Его внимание было полностью поглощено ценой за фунт индейки. Мои пальцы слушались плохо. Они казались чужими, негнущимися палками. Слава Богу, что выстрел был в правую. Я выжидала момент, чувствуя, как по спине стекает пот. Мимо прогрохотал тяжелый фургон, обдав нас облаком гари. Пора.

Рывок. Ловкое, почти забытое движение всей кистью. Я почувствовала сопротивление ткани кармана, а затем вожаделенную тяжесть кожаного бумажника. Пальцы на мгновение дрогнули, едва не упустив добычу, и сердце пропустило удар. Оптовик шевельнулся, и я замерла, чувствуя, как повязка на плече снова становится теплой и мокрой, видимо, рана открылась от напряжения. Неужели заметил? Ужас полоснул по нервам, я замерла, став частью толпы, притворившись, что просто споткнулась. Он не обернулся.

Я тихонько выдохнула и скользнула в сторону, растворяясь за горой ящиков с апельсинами. Руки дрожали так сильно, что я едва не выронила бумажник. Это была не элегантная кража, а грязная, примитивная работа, но в животе разлилось забытое чувство эйфории. Я все еще могла. Я еще не окончательно превратилась в «инструмент» Моретти, в моей крови еще жил тот самый уличный сорняк, который невозможно выкорчевать.

— Эй, обносок! Залетный, что ли? — раздался звонкий голос.

Я медленно обернулась. Ко мне подошел подросток лет тринадцати, в кепке, надвинутой на самый нос. Из-под козырька сверкали злые, не по-детски серьезные глаза. В его руке лениво поигрывала «бабочка». Зрелище было бы смешным, если бы я не знала, как быстро такие мальки вскрывают животы зазевавшимся чужакам.

— Это наша точка, шкет. Проваливай в свои трущобы, пока я тебе дырку в боку не провертел. Вижу же, что едва на ногах стоишь.

Я посмотрела на него сквозь пелену усталости. В его взгляде было то самое голодное отчаяние, которое когда-то привело меня к «микам». Я могла бы уложить его на месте, даже одной рукой, но сейчас во мне не было ни капли злобы. Только бесконечная усталость.

— Подавись своим рынком, сученыш, — негромко бросила я и, не оборачиваясь, пошла к реке, чувствуя, как его колючий взгляд сверлит мою спину.

Через сорок минут я уже сидела на вонючей, облепленной мазутом набережной Чикаго-ривер, подальше от людских глаз. Рассвет наконец-то начал пробиваться сквозь городскую гарь и смог.

Это было болезненно красиво. Первые лучи солнца, густые и золотистые, как мед, пробивались сквозь скелеты недостроя и покосившиеся склады. Они окрашивали грязную, коричневую воду реки в невероятный цвет расплавленной меди. Свет падал на трущобы, превращая гнилое дерево и ржавое железо в подобие драгоценных металлов. В этом золотом сиянии город на миг показался чистым и тихим.

Я достала из бумажника улов: три помятые пятерки и несколько однодолларовых бумажек. Богатство для бродяги, крохи для Снежинки. Раньше я бы не глядя швырнула эти жалкие бумажки чистильщику сапог, просто чтобы он помалкивал. А сегодня... сегодня это неделя жизни. Неделя сытости и право на кровать, в которой не будет клопов. Или, по крайней мере, их будет не так много.

Достав из глубокого кармана черствую корку хлеба, которую я незаметно стащила со стола О, начала медленно жевать. Я сидела в чужих обносках на краю пирса и помахивала ногами в красивых лакированных туфлях, измазанных лошадиным дерьмом, глядя на этот ослепительный рассвет. Где-то там, в другом мире, Чезаре Моретти допивал свой утренний кофе, а я здесь, среди речной вони, слушала, как голоса в мешке начинают шептать чуть громче, приветствуя солнце. И этот шепот уже не казался мне галлюцинацией. Он был моим новым единственным другом в мире, который вышвырнул меня за борт.

Глава 7. Приют для поломанных кукол

Я наблюдала, как Чикаго-ривер выгибается жирной спиной, готовясь впитать в себя мусор нового дня. Последним усилием стащила туфли. Они сопротивлялись. Засохшая кровь намертво приклеила шелк носков к лакированным задникам, и когда обувь наконец поддалась, я едва не вскрикнула — вместе с туфлями отошла и часть запекшейся кожи.

Каблуки, еще вчера вызывавшие завистливые вздохи на приеме у Уинтропа, теперь выглядели жалко. Я брезгливо толкнула их носком босой ноги в воду. Лакированные «лодочки» качнулись на мазутной волне, пустили пару пузырей и медленно пошли на дно, унося с собой остатки элитной воровки по кличке Снежинка. Говорят, как корабль назовешь, так он и поплывет. Снежинки в Чикаго долго не живут, они быстро превращаются в грязную жижу под сапогами грузчиков.

Идти босиком по утреннему городу было паршивой затеей, но выбора мне не оставили. Город просыпался неохотно, выкашливая из своих кирпичных легких серую угольную взвесь и сотни усталых рабочих. Район складов в этот час пах не новой эпохой и надеждами, а прогорклым жиром, лошадиным навозом и дешевой махоркой. Пятки горели, каждый камешек впивался в израненную кожу как раскаленный зазубренный гвоздь. Мимо прогрохотала телега, груженная ледяными глыбами. Возница, хмурый детина в засаленном картузе и с лицом цвета сырой говядины, мазнул по мне безразличным взглядом. Для него я была лишь очередным портовым мусором, не пережившим ночную попойку. Под дощатыми настилами копошились крысы, деля какую-то скользкую пададь; их визг сливался со стуком колес и надрывным кашлем, доносившимся из открытых окон ближайшего доходного дома. Жизнь здесь не началась заново, она просто продолжала гнить по кругу.

До лавки старьевщика я дохромала, оставляя на серых булыжниках едва заметные розовые следы. Маленькое здание, зажатое между двумя огромными угольными ангарами, выглядело так, словно его забыли снести еще в прошлом веке. Над дверью истошно дзинькнул колокольчик, когда я ввалилась внутрь.

За прилавком, заваленным грудями сомнительного хлама, подпирая подбородок кулаком, сидел старый еврей в ермолке. Его халат, некогда, возможно, синий, теперь стал неопределенно-землистым. Он молча разглядывал мою окровавленную фланелевую рубаху и спутанные патлы.

— Обувка нужна, — буркнула я, чувствуя, как пульсирует плечо. — Крепкая, чтобы подошву не оставить через два квартала.

Старик медленно поднялся, шаркая тапочками по скрипучему полу, и кивнул на гору хлама в углу.

— Ройся, — прохрипел он. — Там все честно добыто. Из моргов, канав и ломбардов.

Я опустила на колени перед кучей поношенной кожи. Элегантная Снежинка здесь сдохла бы от брезгливости, но нынешней мне было насрать. Тщательно осмотрела несколько пар. Мой выбор пал на грубые рабочие ботинки из толстой буйволиной кожи, с тяжелыми металлическими подковами на каблуках. Они оказались на размер больше, чем нужно, зато они не сжимали мои опухшие, воспаленные ступни. К тому же в них можно было засунуть пару дополнительных тряпок в качестве стелек.

— Сколько за эти корыта? — спросила я, выпрямляясь.

— Полтора доллара, — старик прищурился, выжидая моей реакции. — Натуральная кожа, парень. Дольше тебя проживут в нынешнее-то время.

— Один доллар. И я не стану напоминать тебе, что на левом каблуке кожа отходит, а вы не платите налог за торговлю контрабандой. Один бакс, дед. Или я просто уйду, и они продолжат собирать пыль еще сто лет.

Старик мгновение колебался, но потом жадно сгреб мою мятую бумажку. Видимо, покупатели заглядывали к нему нечасто. Я вытянула из соседней кучи какие-то относительно чистые тряпки, обмотала ими ноги, а следом натянула ботинки.

— На сдачу, — зыркнула на старьевщика, предупреждая его возмущение.

Стало гораздо легче. В таких и пробежаться пару кварталов не зазорно.

Аптека была через три квартала на север. Путь туда превратился в битву с самой собой. Плечо больше не ныло, оно ревело. Повязка О отяжелела, пропитываясь сукровицей и гноем. Жар начинал туманить сознание.

Пробираясь вдоль глухих кирпичных стен, я невольно провалилась в воспоминание. Это было два года назад. Я тогда только год как переметнулась от ирландцев к Моретти. Мы с Тошим Майком — забавный был малый, пока год спустя не поймал лицом порцию свинца из обреза — решили вынести еврейскую ювелирную лавку на Вест-сайте. Все шло как по маслу, витрина вскрылась за секунды, я уже ссыпала камешки в мешочек, когда из подсобки вылетел невысокий мужичок в прикиде раввина. Я думала, он сейчас начнет причитать или взывать к Богу, но он, не моргнув и глазом, выхватил здоровенный «Томми-ган» и открыл такую пальбу, что крошево из стекла и кирпича заполнило все помещение. Мы побежали к машине, и уже у самой двери я почувствовала резкий, обжигающий рывок чуть ниже колена. Этот святоша всадил мне пулю на прощание.

Пуля, хвала Одину, прошла навывлет, не задев кость, но кровищи было столько, что салон машины стал похож на скотобойню. Майк довез меня до Чезаре. Ох, как он злился... Моретти тогда только начал делать из меня своего призрака в шелках, и лишняя дырка в его дорогостоящей собственности привела его в неопишное бешенство. Он смотрел на мою раненую ногу с таким осуждением, будто я разбила вазу эпохи Мин. Сейчас, вспоминая его взгляд, я отчетливо поняла, что ему всегда было наплевать на меня как на человека. Главное, чтобы инструмент функционировал.

Аптека встретила меня запахом хлорки и ментоловой тишиной. За конторкой возвышался типичный фармацевт из тех, что пережили пару эпидемий испанского гриппа и не утратили веры в исцеление при помощи стрихнина и кокаина. Его глаза тревожно следили за моим приближением.

— Лауданум. Йод. Чистые бинты. Три пачки, — я высыпала мелочь на прилавок.

Под рубахой платок в мешке вдруг шевельнулся. Это было не просто трение ткани, а отчетливое, пульсирующее движение. В нос ударил резкий запах озона, перебивая аптечную вонь.

— Рецепт имеется? — просипел он, не притрагиваясь к деньгам.

— Рецепт у меня в кобуре, дед. Давай товар, пока я не начала нервничать.

Запах речной вони, дешевого самогона и запекшейся крови сделал свое дело, фармацевт молча собрал заказ. Шестьдесят центов за крошечные пузырьки и стопку марли. Обдираловка, но спорить не было смысла.

Я схватила сверток и юркнула в узкую дверь с табличкой «Уборная» в конце зала. Тяжелая дверь заперлась на хлипкую защелку. Мутное, в серых потеках зеркало над треснувшей раковиной безжалостно выдавало правду. На меня смотрело бледное нечто с грязными разводами от пота и копоты. Еще вчера ухоженные белокурые локоны сбились в сальные патлы. Голубые глаза с покрасневшими сосудами дивно подчеркивали серые мешки под нижними веками. Девушка в этом оборванце угадывалась с трудом, да и то лишь теми, кто в курсе.

Я зубами вырвала пробку из пузырька лауданума и сделала маленький глоток прямо из горла. Жидкость была густой, горькой и шибала в нос гвоздикой. Подождала пару минут, чувствуя, как огонь в плече начинает понемногу притухать под бархатным покровом опиума.

Вдруг лампочка под потолком коротко мигнула и затрещала, испуская слабые синие искры. Я подняла глаза к зеркалу.

За моей спиной, в узком пространстве между раковиной и дверью, стояла тень. Сначала я подумала, что это просто галлюцинация от лауданума, но холод, внезапно заполнивший каморку, был слишком осязаемым. Сгусток плотного мрака, повторяющий мои очертания, безмолвно парил в отражении. Зеркальная поверхность с тихим потрескиванием начала покрываться морозными узорами. Иней быстро пожирал пространство стекла, скрывая стены уборной.

Я резко обернулась, выставив вперед нож, но сзади ничего не было, кроме пустой стены с отклеивающимися обоями. Обычная сраная кирпичная стена. Только запах озона стал почти невыносимым, а платок в кармане превратился в кусок льда, прожигающий бедро.

— Пиздец... — прохрипела я, чувствуя, как лауданум начинает туманить мозг. — Просто полный пиздец.

Я вернулась к зеркалу. Тень в отражении никуда не делась. Я видела, как она медленно поднимает руку, касается моего раненого плеча. Боли не было, был только ледяной укол, прошивший нервы насквозь. Сознание на миг моргнуло черным.

— Изыди, нахуй! — заорала я и пулей вылетела в торговый зал.

Старый фармацевт вздрогнул, выронив колбу, которая вдребезги разбилась о пол. Я пронеслась мимо него как ошпаренная, вышибла плечом входную дверь и не останавливалась, пока не свернула за два перекрестка. Сердце колотилось где-то под горлом, перекрывая гул просыпающегося Чикаго.

Черный платок в кармане штанов продолжал жечь бедро холодом. Первым порывом было швырнуть его в ближайшую сточную канаву. Пускай его крысы жрут, пускай это дерьмо исчезнет из моей жизни раз и навсегда! Я уже замахнулась, чтобы выкинуть сверток, но пальцы внезапно отказались разжиматься. Перед глазами всплыл тот самый тупик на Десплейнс. Мужской силуэт с револьвером, крики «полиция», тусклый свет... и полная невидимость. Эта проклятая тряпка сделала меня дырой в пространстве. Без нее я всего лишь раненая баба в мужских шмотках, которую любой патрульный упакует через десять минут. Платок был моей единственной защитой в городе, превратившемся в одну большую мышеловку. Я с обреченным вздохом сунула его обратно.

Нужно было добраться до Мэгги. Мы были знакомы еще с тех времен, когда ирландцы ОЛири считали Чикаго своим домом. Мэгги была из тех женщин, что стоят на ногах прочнее любых небоскребов. Она умела быть веселой, когда у всех вокруг сводило зубы от страха, и пекла лучшие яблочные пироги в Южном Сайде, если за закрытыми шторами борделя не решались вопросы жизни и смерти.

Ее «Приют», приземистое здание из красного кирпича возле железнодорожной развязки, всегда выглядел недружелюбно для чужаков. Здесь пахло дегтем от поездов, дешевой пудрой и кислым вином, которое въелось в ковры навсегда. В холле борделя с утра было пусто. Яркие, безвкусные красные обои с золотыми вензелями казались выцветшими в скудном свете запыленных люстр. По углам стояли кадки с пальмами, на которых лежал полугодовой слой пыли. Тишину нарушал лишь ритмичный храп откуда-то сверху.

У стойки сидела Крошка Китти. Лет десять назад это имя ей подходило. Сейчас Китти была мощной тигрицей за сорок, чей боевой раскрас из густых румян и ярко-алых губ уже не мог скрыть паутину морщин и бесконечную усталость в глазах.

— Китти, — прошептала я, хватаясь за край стойки. — Зови Мэгги. Живо.

Она придвинулась, обдав меня запахом фиалок и табака.

— Тесс? Иисусе, это что, действительно ты? Матерь божья, на кого ты стала похожа? На пасынка гробовщика?

Пока Китти бегала в задние комнаты, я прислонилась к дверному косяку и прикрыла глаза, чувствуя, как мир начинает подозрительно приятно покачиваться в такт лаудануму. Но

не успела я расслабиться, как из бокового коридора вывалился какой-то полусонный обдолбыш в помятом котелке. Он увидел меня и плотоядно осклабился.

— Эй, симпатяжка... Или кто ты там есть... У тебя такие дикие глаза. Хочешь согреться? — он попытался неловко положить руку мне на талию, выдыхая волну запойного перегара.

— Грабли убери, пока я их тебе не укоротила, — огрызнулась я, не оборачиваясь. — Если ты настолько непритязателен, пиздуй на задний двор сношаться с шавками.

Обдолбыш что-то пробормотал и поплелся прочь, а через мгновение тяжелая бархатная штора распахнулась. Из-за нее вышла сама Мэгги. Она выглядела неизменно величественно: огромная грудь, туго затянутая в алый атлас, массивная челюсть и выбеленное лицо в окружении перманентно уложенных кудряшек.

— Тесс? — она уперла мощные руки в бока. — Твою мать, ты хоть понимаешь, какой сейчас пиздец творится на Вест-сайте? Этот «сладкая булочка» Чезаре объявил на тебя охоту. Моретти разослал новость, что его любимая воровка тронулась умом и утащила что-то очень личное. Ты понимаешь, что ты подставляешь мое заведение, просто постояв на ковре?

— Мне просто нужно место на одну ночь, Мэгги, — выдохнула я. — Кровать и таз горячей воды... и поесть. Чезаре будет искать меня в цивильных отелях и гостиницах, сюда он сунется в последнюю очередь.

Мэгги долго сверлила меня тяжелым взглядом, потом шумно вздохнула.

— Черт с тобой, старая дружба не ржавеет. Но только одна ночь. И если придут — я тебя в глаза не видела.

«Эх, добрая ты баба, — подумала я. — Если б ты только знала, что за мной еще и тени-вики с копами охотятся...»

Она повела меня на второй этаж. Вопреки ожиданиям, Мэгги дала мне не обычный чулан, а приличный номер «для постоянных клиентов». Просторная комната с окном, занавешенным тяжелыми шторами, кровать с чистым, пахнущим лавандой бельем, и гора свежих полотенец в ванной. Я с остервенением содрала с себя грязную мужскую рубашу. Плечо выглядело скверно: кожа натянулась и покраснела, швы О напоминали толстых червей. Погрузилась полностью в горячую воду, которую уже набрала одна из девочек, и начала тереть кожу грубой мочалкой. Боль была отвлекающей, а когда слой чикагской копоты сошел, я почувствовала себя почти живой.

Мэгги вернулась со свертком ткани и тарелкой густого рагу.

— На, надевай, — она кинула одежду на кровать. — Извини, дорогая, но у нас в ассортименте только такое. Это самое «пуританское», что я смогла выудить из своих закровов. Видать, бывшая хозяйка думала, что идет в библиотеку.

Я развернула подарок и поморщилась. Платье было сшито из дешевого вискозного шелка цвета взбесившейся фуксии. Юбка едва прикрывала бедра, а декольте обещало каждому встречному подробный анатомический атлас моих достоинств. Мой нынешний образ достиг апогея нелепости: грубые ботинки старьевщика, обмотанные грязными бинтами ноги и бледное платье из самого низкопробного борделя Чикаго. Ох и ржали бы ирландцы, увидь они норвежскую недотрогу в таком прикиде.

Я обильно залила плечо йодом, прикусывая язык, чтобы не заскулить. Пока накладывала новую повязку и материлась сквозь зубы, за стеной справа слышались ритмичные удары и преувеличенно громкие женские стоны.

— Фальшивишь, сестра! Станиславский бы тебя пристрелил за такой спектакль! — громко прокомментировала я, затягивая узел бинта зубами.

В ответ послышался тяжелый, басовитый мужской стон. Я хмыкнула, сползая на подушку.

— Ну хоть кому-то здесь весело за свои деньги.

Я достала черный платок. Он снова манил. Глядя на мерцающие серебряные нити букв «К.В.», я вдруг почувствовала иррациональное желание прижать его к лицу. Не для того, чтобы спрятаться, а просто... вдохнуть его холод снова. Рука сама потянулась к ткани, и пальцы мелко задрожали от странного предвкушения. Словно под подушкой лежала не тряпка, а порция чистейшего героина.

— Вот это поворот... — прошипела я и с силой втиснула платок под подушку, поглубже в наволочку. — Только этого не хватало.

Я сделала еще один глоток лауданума. Стены комнаты начали плавно раздуваться и опадать в ритме чьего-то чужого дыхания. За стеной грохотал товарный поезд, Китти переругивалась с клиентом, но мне становилось все равно. Опиумный угар наконец-то утягивал меня на дно темного океана, где было очень тихо. Последнее, что я услышала перед тем, как окончательно потерять связь с миром, — это тихий женский шепот, шедший из самой глубины черепа:

«Засыпай, Тереза. Нас теперь никто не найдет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.